VADEMECUM

ДЛЯ РЕДАКЦІИ „РАБОЧАГО ДѢЛА"

СБОРНИКЪ МАТЕРІАЛОВЪ
ИЗДАННЫЙ ГРУППОЙ „ОСВОБОЖДЕНІЕ ТРУДА"

СЪ ПРЕДИСЛОВІЕМЪ
Г. ПЛЕХАНОВА.

О дѣти, какъ опасны ваши лѣта!
Мышенокъ, не видавшій свѣта,
Попалъ было въ бѣду!

ЦѢНА 1 ФРАНКЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ГРУППЫ СТАРЫХЪ НАРОДОВОЛЬЦЕВЪ.
ЖЕНЕВА. Февраль 1900 года.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ нашей заграничной соціальдемократической литературѣ съ нѣкотораго времени ведется довольно странный для непосвященнаго читателя споръ, предметомъ котораго служитъ вопросъ о томъ, существуетъ или не существуетъ въ молодой русской соціальдемократіи направленіе, извѣстное подъ именимъ *экономическаго*. По мнѣнію одной изъ спорящихъ сторонъ,—П. Аксельрода, выражающаго взглядъ группы „Освобожденіе Труда“, — такое направленіе не только существуетъ, но, *при извѣстныхъ условіяхъ*, можетъ оказать очень вредное вліяніе на дальнѣйшее развитіе нашей партіи. Другая сторона, — редакція quasi-періодическаго изданія „Рабочее Дѣло“, — не хочетъ согласиться съ П. Аксельродомъ. Она думаетъ, что его мнѣніе лишено всякаго основанія.

Человѣку, стоящему вдали отъ внутреннихъ дѣлъ нашей партіи, такой споръ могъ показаться не интереснымъ, тѣмъ болѣе, что спорящія стороны выражались иногда полунамеками, понятными лишь для немногихъ. Но въ дѣйствительности споръ этотъ имѣетъ большую практическую важность, и потому группа „Освобожденіе Труда“ считаетъ нужнымъ содѣйствовать его рѣшенію, опубликованіемъ предполагаемаго сборника матеріаловъ.

Сборникъ этотъ посвящается редакціи „Рабочаго Дѣла“, такъ какъ она особенно нуждается въ знакомствѣ съ содержащимися въ нихъ документами. Чтобы облегчить ей пользованіе сборникомъ, я снабжаю его нѣкоторыми комментаріями.

Но прежде, чѣмъ взяться за комментаріи, я считаю необходимымъ напомнить прочимъ читателямъ различныя перипетіи спора между П. Аксельродомъ и редакціей „Рабочаго Дѣла“.

Въ 1898 г. вышла въ Женевѣ, съ предисловіемъ П. Аксельрода, брошюра: „Задачи русскихъ соціальдемократовъ“, написанная въ Россіи однимъ изъ самыхъ видныхъ дѣятелей нашей партіи. Въ своемъ предисловіи П. Аксельродъ сдѣлалъ, между прочимъ, слѣдующее замѣчаніе:

„Въ брошюрѣ своей нашъ авторъ обращается главнымъ образомъ къ противникамъ изъ лагеря революціонной интеллигенціи. Онъ старается разсѣять укоренившіеся въ нихъ предразсудки и предубѣжденія противъ соціальдемократіи. Это обстоятельство наложило особый отпечатокъ на его произведеніе. Въ немъ, какъ бы помимо воли автора, отождествляется то, что *должно* быть, съ тѣмъ, что *есть*, задачи и тактика, которыя русская соціальдемократія *должна* преслѣдовать, чтобы остаться вѣрной духу своихъ ученій, изображаются авторомъ какъ-бы уже безусловно господствующими въ дѣйствительности. Мы слишкомъ давно живемъ внѣ Россіи и слишкомъ далеки отъ поля борьбы, чтобы съ полной увѣренностью судить о фактическомъ состояніи нашего движенія. Мы можемъ судить о немъ, главнымъ образомъ, по заявленіямъ болѣе молодыхъ товарищей, сравнительно недавно попавшихъ заграницу. А эти товарищи, за рѣдкими исключеніями, довольно далеки еще отъ тѣхъ практическихъ воззрѣній, на почвѣ которыхъ стоитъ авторъ настоящей брошюры, и увѣряютъ, что такъ же, какъ они, смотритъ на практику русской соціальдемократіи большинство активныхъ группъ“.

Это замѣчаніе не понравилось редакціи „Рабочаго Дѣла“. Въ первомъ же № своего изданія она напечатала анонимный разборъ названной брошюры, въ которомъ мы находимъ слѣдующее возраженіе П. Аксельроду.

„Повторяемъ: брошюра особенно цѣнна тѣмъ, что она насъ знакомитъ изъ первыхъ рукъ съ дѣйствительнымъ состояніемъ нашего движенія, съ его жизненною практикой. Въ этомъ отношеніи мы не можемъ согласиться съ товарищемъ П. Аксельродомъ, который въ своемъ предисловіи склоняется къ мысли, что „въ общемъ движеніе наше еще только стремится къ той ступени развитія, которой вполнѣ соотвѣтствуетъ тактическая точка зрѣнія автора“. Впрочемъ, Аксельродъ основываетъ свое мнѣніе единственно на „заявленіяхъ болѣе молодыхъ товарищей, сравнительно недавно попавшихъ заграницу“, признавая въ то же время, что новѣйшія изданія нашихъ русскихъ товарищей и „Манифестъ“ соціальдемократическаго съѣзда въ Россіи вполнѣ отражаютъ взгляды, изложенные въ брошюрѣ. Не знаемъ, про какихъ „молодыхъ“ товарищей говоритъ Аксельродъ; съ своей стороны мы имѣемъ основаніе утверждать, что болѣе молодая русская соціальдемократія, точнѣе, соціальдемократія, выросшая и дѣйствующая на почвѣ новѣйшаго массоваго движенія, въ общемъ уже *на дѣлѣ* принимаетъ точку зрѣнія автора“.

На это возраженіе П. Аксельродъ отвѣтилъ открытымъ письмомъ въ редакцію „Рабочаго Дѣла“.

Написанное еще въ *августѣ*, письмо это, по разнымъ причинамъ, появилось *только* въ *концѣ декабря* прошлаго года. А тѣмъ временемъ редакція „Рабочаго Дѣла“, въ послѣсловіи къ изданному ею „Протесту“ одной группы русскихъ товарищей противъ нѣкотораго, особенно яркаго выраженія *экономическаго* образа мыслей, еще разъ заявила о своемъ несогласіи съ П. Аксельродомъ. Это новое заявленіе сдѣлано было ею по слѣдующему поводу.

Авторы „Протеста“, — ясно и рѣшительно высказавшіе свою солидарность съ гуппой Освобожденіе Труда, — говорятъ, между прочимъ, что одна уже возможность появленія въ русской соціальдемократической средѣ разбираемаго и отвергаемаго ими образа мыслей показываетъ, насколько основательны были опасенія П. Аксельрода, когда онъ, въ концѣ 1897 года, рисовалъ передъ своими читателями такую перспективу.

„Рабочее движеніе не выходитъ изъ тѣснаго русла чисто экономическихъ столкновеній рабочихъ съ предпринимателями и само по себѣ, въ цѣломъ, лишено политическаго характера, въ борьбѣ же за политическую свободу передовые слои пролетаріата идутъ за революціонными кружками и фракціями изъ такъ называемой интеллигенціи“.

Авторы „Протеста“ думаютъ, что русскіе соціальдемократы должны объявить рѣшительную войну *экономическому* направленію, потому что его торжество повело бы *къ переходу въ дѣйствительность* той перспективы, на которую П. Аксельродъ указывалъ, какъ на непріятную *возможность*. Они горячо и настоятельно совѣтуютъ товарищамъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы осуществилась другая перспектива, нарисованная П. Аксельродомъ въ слѣдующихъ строкахъ:

„Другая перспектива: соціальдемократія организуетъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу *частью рядомъ и въ союзѣ* съ буржуазными революціонными фракціями (по скольку таковыя будутъ въ наличности), частью же привлекая прямо въ свои ряды или увлекая за собой наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигенціи“*).

*) См. брошюру П. Аксельрода: „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ соціальдемократовъ“. Женева, 1898. стр. 19 и 20.

Редакція „Рабочаго Дѣла“ объявила себя совершенно солидарной съ авторами „Протеста“, но ей не понравилось то несомнѣнное обстоятельство, что эти авторы съ своей стороны совершенно солидарны съ П. Аксельродомъ, мнѣніе котораго она оспаривала. И вотъ она поспѣшила высказать свое твердое убѣжденіе въ томъ, что „символъ вѣры“ (иначе — „credo“), противъ котораго возстали авторы „Протеста“, представляетъ собою не больше, какъ мнѣніе единичныхъ лицъ и что, поэтому,

„опасеніе товарища П. Аксельрода, высказанное имъ, какъ первая изъ возможныхъ перспективъ, ни въ 1897 году не имѣла, ...ни теперь не имѣетъ серьезнаго основанія въ дѣйствительномъ ходѣ русскаго рабочаго движенія“.

Чтобы еще больше оттѣнить неосновательность опасеній П. Аксельрода, редакція „Рабочаго Дѣла“ пускается въ слѣдующія соображенія.

„Послѣ широкаго стачечнаго движенія второй половины 90-хъ годовъ, грандіозной борьбы (1896—97 г.г.) петербургскихъ ткачей и побѣды рабочихъ надъ правительствомъ—вынужденнаго законодательнаго сокращенія рабочаго дня въ Россіи—трудно было думать, что „рабочее движеніе не выходило изъ тѣснаго русла чисто экономическихъ столкновеній рабочихъ съ предпринимателями и само по себѣ не имѣетъ политическаго характера“. Основательность мрачныхъ опасеній товарища Аксельрода не доказывается, по нашему мнѣнію, и простой „возможностью появленія“ такой „программы“, какъ вышенапечатанное «credo». Такія „программы“, вѣрнѣе — личныя фантазіи политическихъ младенцевъ (хотя бы и солиднаго возраста) появлялись раньше и будутъ появляться впредь — пока россійская соціальдемократія не достигнетъ единства взглядовъ на основныя задачи рабочаго движенія въ Россіи выработкой опредѣленной программы и тактики партіи. Тогда всѣ будутъ знать настоящую цѣну „программамъ“ въ родѣ «credo», лишь тогда сдѣлается невозможнымъ политическое самозванство отдѣльныхъ лицъ и маленькихъ группъ, выдающихъ плоды своего „шатанія мысли“ за выраженіе дѣйствительнаго ха-

рактера рабочаго движенія или за „символы вѣры“ новыхъ теченій въ русской соціальдемократіи“.

Въ этихъ глубокомысленныхъ соображеніяхъ прежде всего бросается въ глаза явная пере....становка понятій.

Когда П. Аксельродъ рисовалъ первую изъ упомянутыхъ выше перспективъ, онъ вовсе *не дѣлалъ никакихъ пророчествъ на счетъ будущности нашего рабочаго движенія.* Эта перспектива должна была показать, *какой видъ приняло бы наше рабочее движеніе, если бы* (NB: *если бы) осуществилось то, чего страстно и упорно желали сторонники экономическаго направленія.* Если редакція „Рабочаго Дѣла“ была несогласна съ П. Аксельродомъ, то ей надо было показать, что нарисованная имъ перспектива не могла осуществиться *даже въ случаѣ торжества сторонниковъ экономическаго направленія.* Показавъ это, редакція „Рабочаго Дѣла“ разъ навсегда обнаружила бы заблужденіе П. Аксельрода, и споръ окончился бы рѣшительнымъ и полнымъ пораженіемъ одной изъ спорящихъ сторонъ. Но была-ли въ состояніи показать это названная редакція? Нѣтъ, не была. Напротивъ. Напечатанный ею „Протестъ“ содержитъ въ себѣ блестящее и непререкаемое доказательство проницательности и дальновидности П. Аксельрода. Въ самомъ дѣлѣ. Къ чему стремятся авторы того „символа вѣры“ („credo“), который такъ горячо и рѣшительно осуждается авторами „Протеста“? Авторы „credo“ стремятся *теперь* къ осуществленію одной изъ тѣхъ перспективъ (именно—первой), которыя были указаны П. Аксельродомъ еще въ 1897 году. Значитъ, если бы осуществились стремленія авторовъ „credo“, то *тѣмъ самымъ* осуществилась-бы и первая изъ указанныхъ П.

Аксельродомъ перспективъ. Если *A* тождественно съ *B*, то осуществленіе *A* равносильно осуществленію *B*. Стало быть, П. Аксельродъ правъ? Конечно! И нельзя не пожалѣть о людяхъ, которымъ непонятны столь простыя вещи.

Но можно-ли отнести къ числу такихъ людей редакцію „Рабочаго Дѣла“? Признаюсь, я думаю, что — нѣтъ. Мнѣ кажется, что эта редакція прекрасно поняла, до какой степени правъ былъ П. Аксельродъ, и что именно непріятное для нея сознаніе правоты ея противника привело ее къ пере....становкѣ понятій, т. е. къ искаженію словъ П. Аксельрода. П. Аксельродъ говорилъ о томъ, какое направленіе приметъ наше рабочее движеніе, *если оно пойдетъ такъ, какъ этого хотятъ сторонники „экономическаго“ направленія*, а редакція „Рабочаго Дѣла“ приписываетъ ему ту мысль, что наше рабочее движеніе *вообще* не способно выйти изъ тѣснаго русла чисто-экономическихъ столкновеній съ предпринимателями. Человѣкъ, желая характеризовать свойства пороха, говоритъ: „*если* бросить въ него зажженную спичку, *то* произойдетъ взрывъ“. А вы кричите, что Петръ никогда не броситъ спички. Очень можетъ быть, что вы и правы, но это не измѣняетъ свойствъ пороха, и онъ все таки вспыхнетъ, если спичка будетъ брошена. Хороши-ли такіе пріемы спора? И нужны-ли они людямъ, убѣжденнымъ въ своей правотѣ?

Начиная полемику съ П. Аксельродомъ, редакція „Рабочаго Дѣла“ „не знала“, какіе это товарищи держатся „экономическаго“ направленія. А теперь она увидѣла себя вынужденной выступить противъ „Рабочей Мысли“, въ которой названное направленіе дошло до абсурда. Но вѣдь „Рабочая Мысль“ существуетъ

не со вчерашняго дня, и когда редакція „не знала“, указаннаго П. Аксельродомъ обстоятельства, „Рабочая Мысль“ давала уже полную возможность оцѣнить всѣ достоинства ея образа мыслей. Какъ же могла „не знать“ его редакція „Рабочаго Дѣла“?

Да не подумаетъ, однако, читатель, что Аксельродъ имѣлъ въ виду *только* „Рабочую Мысль“. Нѣтъ, онъ намекалъ также и на другихъ, но объ этихъ другихъ я поговорю ниже.

Исказивъ слова Аксельрода, правдивая редакція „Рабочаго Дѣла“ считаетъ нужнымъ указать на успѣхи нашего рабочаго движенія, будто бы непринятые во вниманіе ея противникомъ. Что русское рабочее движеніе *уже* ознаменовалось серьезными успѣхами, и что русскіе рабочіе *уже* одержали нѣкоторыя серьезныя побѣды, это не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Но ни П. Аксельродъ въ частности, ни группа Освобожденіе Труда вообще ни мало не отрицаетъ этихъ побѣдъ и успѣховъ. Напротивъ, группа Освобожденіе Труда видитъ въ нихъ лишь яркое доказательство возможности у насъ широкаго рабочаго движенія, возможности, на которую она не переставала указывать съ появленія первыхъ своихъ изданій, т. е. съ того времени (съ 1883 года), когда нынѣшніе редакторы „Рабочаго Дѣла“ или, по молодости лѣтъ, вообще были совсѣмъ „беззаботны“ на счетъ всякихъ „программъ“, или коснѣли въ народническихъ предразсудкахъ. И если редакція „Рабочаго Дѣла“ находитъ теперь нужнымъ бить намъ челомъ нашимъ же добромъ, то это лишь показываетъ, въ какое затруднительное и досадное положеніе поставило ее, во-первыхъ, желаніе во что-бы то ни стало опровергнуть П. Аксельрода, сдѣ-

лавшаго непріятный для нея намекъ, а, во-вторыхъ, появленіе въ Россіи литературнаго произведенія (credo), содержаніе котораго представляетъ собою блестящее подтвержденіе словъ того же П. Аксельрода. Досада плохой совѣтникъ!

Редакція „Рабочаго Дѣла“ твердо увѣрена, что названное „credo“ есть не болѣе, какъ „мнѣніе единичныхъ лицъ“. Эта твердая увѣренность, конечно, весьма отрадна и для самой редакціи, и для читателей ея журнальчика. Но вопросъ не въ этомъ. Надо знать, *много-ли* такихъ „единичныхъ лицъ“ и каково ихъ положеніе въ партіи? А что, если ихъ много? И что, если они занимаютъ такое положеніе въ нашихъ рядахъ, пользуясь которымъ они могутъ сильно содѣйствовать торжеству „экономическаго направленія“? Редакція „Рабочаго Дѣла“ зачѣмъ-то стала оспаривать П. Аксельрода, намекнувшаго на то, что между нашими молодыми товарищами заграницей немало сторонниковъ „экономическаго“ направленія. А между тѣмъ П. Аксельродъ говорилъ *чистѣйшую правду*. Редакція „Рабочаго Дѣла“ сама хорошо знала это. Но читателямъ было неизвѣстно истинное положеніе дѣлъ. Они могли подумать, что П. Аксельродъ высказался такъ единственно благодаря склонности (приписанной ему редакціей „Рабочаго Дѣла“) къ „мрачнымъ опасеніямъ“. И вотъ, чтобы показать читателямъ истинное положеніе дѣлъ, П. Аксельродъ написалъ свое письмо въ редакцію „Рабочаго Дѣла“. Съ тою-же самою цѣлью группа „О. Т.“ издаетъ теперь этотъ сборникъ документовъ.

Она думаетъ, что въ настоящее время необходимо и полезно высказать, по выраженію Лассаля, то, что есть—aussprechen was ist.

Первый изъ предлагаемыхъ документовъ представляетъ собою простую перепечатку „Протеста“ нашихъ русскихъ товарищей противъ сторонниковъ „экономическаго“ направленія. Мы сочли нужнымъ воспроизвести его здѣсь для удобства читателя, который пожелалъ-бы имѣть его подъ рукою для неизбѣжныхъ справокъ и для нелишенныхъ интереса сопоставленій*).

Вторымъ документомъ является письмо къ П. Аксельроду г. М. М., одного изъ авторовъ брошюры противъ группы Освобожденіе Труда. Письмо это, полученное Аксельродомъ весною 1898 года, и затрогивающее важнѣйшіе вопросы нашей социальдемократической практики, содержитъ въ себѣ зародыши тѣхъ самыхъ взглядовъ, которые нашли теперь такое полное выраженіе въ „credo“. Авторъ письма извиняется за свое „длинное и мало связное изложеніе элементарныхъ истинъ“. Дѣйствительно, изложеніе его длинно и безсвязно, и потому не легко понять, въ чемъ заключаются излагаемыя имъ „истины“. Но при внимательномъ чтеніи онѣ все таки выступаютъ наружу съ достаточною ясностью. Самая несомнѣнная изъ этихъ „истинъ“ заключается въ томъ, что автору письма „послѣ Бельгіи стало стыдно говорить о соціальной революціи“. Эти слова, *не* подчеркнутыя въ письмѣ, напечатаны въ нашемъ сборникѣ курсивомъ, такъ какъ намъ хотѣлось обратить на нихъ особенное вниманіе читателя: въ нихъ заключаесся психологія цѣлаго теченія. Почему авторъ стыдился „послѣ Бельгіи“ говорить о соціальной революціи? Потому, говоритъ онъ, что въ Бельгіи онъ увидѣлъ антагонизмъ мелкихъ ремесленниковъ съ крупными „мануфактурными“ рабочими и антагонизмъ интеллигенціи, мечтающей о захватѣ власти и соціальной революціи съ рабочими, защищающими свои классовые *реальные интересы.* Но почему же стыдно говорить о „соціальной революціи“ въ виду антагонизма ремесла съ крупной промышленностью? Развѣ экономическое движеніе современныхъ обществъ не устраняетъ этого антагонизма на свой ладъ, все болѣе и болѣе расчищая почву для крупныхъ предпріятій? И откуда авторъ письма взялъ антагонизмъ между людьми, „мечтающими“ о „соціальной революціи“, и рабочими, защищающими свои классовые интерессы? О какой революціи говоритъ онъ? О той, которая передала бы власть въ руки пролетаріата и тѣмъ положила бы конецъ господству капиталистовъ. Но развѣ же *такая* революція противорѣчитъ „реальнымъ интересамъ“ рабочихъ? Намъ кажется, что вовсе не противорѣчитъ. Конечно, въ Бельгіи, какъ и повсюду, еще не мало рабочихъ плохо усвоившихъ

---

*) По поводу „Протеста“ мнѣ пишутъ:

Дорогой товарищъ!

Очевидно, заграницей не получена еще одна резолюція по поводу «credo», такъ какъ въ протестѣ россійскихъ соціальдемократовъ съ послѣсловіемъ отъ редакціи „Рабочаго Дѣла“ ничего не говорится объ этомъ.

Между тѣмъ, въ другомъ городѣ Россіи вторая группа соціальдемократовъ, состоящая случайно также изъ 17 человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился и я, единодушно присоединилась къ вышеупомянутому протесту. Къ сожалѣнію, я не могу сейчасъ привести дословно эту резолюцію, но смыслъ ея былъ безусловно таковъ: мы всецѣло согласны съ инициаторами протеста, въ виду того, что они вполнѣ выражаютъ основныя воззрѣнія на принципы и задачи россійской соціальдемократіи, какъ они формулированы въ „Манифестѣ Россійской Соціальдемократической Партіи“.

Вашъ и т. д.

идею рабочей („соціальной“ по терминологіи автора письма) революціи. Но отъ *непониманія* до *антагонизма* еще очень далеко. И если многимъ рабочимъ еще чужда идея рабочей революціи, то надо выяснять ее имъ, а не „стыдиться“ говорить имъ о ней. Но авторъ письма „послѣ Бельгіи“ пришелъ къ тому убѣжденію, что „реальные интересы“ исключаютъ „мечты“ вообще и мечту о рабочей революціи въ частности. Это убѣжденіе лежитъ въ основѣ его письма и оно же легло въ основу „credo“.

Авторъ письма насквозь пропитанъ тѣмъ настроеніемъ, которое въ нашей литературѣ носитъ выразительное названіе *трезвеннаго*. Онъ говоритъ, что теперь пропагандировать рабочимъ сверженіе самодержавія (т. е. „просто на просто революцію“), это значитъ подвергать ихъ величайшей опасности. Въ чемъ состоитъ опасность? Въ томъ, что „кровавое море надолго затопитъ нарождающееся рабочее движеніе“. *Кровавое море*—это, конечно, очень страшно (страшнѣе знаменитаго „металла“ и не менѣе знаменитаго „жупела“), но вовсе не убѣдительно. Почему „кровавое море“ затопитъ рабочее движеніе? Если я не ошибаюсь, потому, что рабочее движеніе у насъ еще только „нарождается“. Но вѣдь если оно *только нарождается*, то у насъ *еще слабы* революціонные элементы, а это значитъ, что у насъ пока еще мало шансовъ не только на „революцію“, но даже на сколько нибудь серьезное возстаніе. Откуда же возьмется „кровавое море“? Авторъ говоритъ, что оно можетъ быть пролито „стихійнымъ движеніемъ“. Но самъ-же онъ, и на этотъ разъ совершенно вѣрно, замѣчаетъ, что „стихійное движеніе не есть програмный вопросъ“. Зачѣмъ же онъ заговорилъ

о кровавомъ морѣ? Развѣ есть уже признаки начинающагося „стихійнаго движенія“? Развѣ нашъ народъ уже берется „за топоры“? Или развѣ люди, говорившіе рабочимъ о сверженіи самодержавія, призывали ихъ къ немедленному возстанію? *Подобнаго призыва не было ни въ одномъ изъ изданій, вышедшихъ подъ редакціей* группы „Освобожденіе Труда“. О чемъ же толкуетъ авторъ письма?

Вотъ о чемъ. Ему хочется доказать, что революція должна прежде всего произойти въ „самомъ рабочемъ классѣ“. Это дѣйствительно одна изъ *элементарнѣйшихъ* истинъ, но не всякій правильно понимаетъ эту элементарную истину. А хуже всѣхъ понимаетъ ее самъ авторъ разбираемаго мною письма.

Благодаря своему *трезвенному* настроенію, онъ совсѣмъ не усвоилъ себѣ *матеріалистическаго пониманія исторіи*. Онъ—*идеалистъ* съ претензіями на „научность“, и въ этомъ источникъ теоретическихъ злоключеній, какъ его самого, такъ и всѣхъ ему подобныхъ.

Онъ постоянно говоритъ о реальныхъ интересахъ рабочаго класса. Какъ понимаетъ онъ эти реальные интересы? А вотъ, не угодно-ли вамъ послушать его самого.

„Будущій строй зависитъ не только отъ класса рабочихъ, но и отъ комбинаціи *всѣхъ* условій производства, и въ активную програмную дѣятельность рабочаго класса входить не можетъ: это величина неизвѣстная, вѣроятно, даже и самому богу. Рабочимъ извѣстны только двѣ вещи: 1) ихъ собственный, ясно сознанный, конкретный интересъ и 2) ихъ положеніе, то или другое, среди другихъ классовъ. Отсюда — роль надстройки, интеллигентной соціальдемократіи — понять интересъ данной минуты, т. е. ту активно-психическую базу, которая явится двигателемъ массы и, во-вторыхъ, понять возможно шире и правильнѣе положеніе этой

массы въ ряду всѣхъ другихъ условій данной же минуты. Абстрактная проповѣдь соціализма и солидарности мало тутъ чѣмъ поможетъ; наоборотъ, вѣрно указанный путь активной борьбы — приведетъ-ли онъ къ успѣху или нѣтъ — сдѣлаетъ много: онъ учитъ рабочихъ бороться съ одной стороны и съ другой—опять-таки конкретно указываетъ на препятствія и, слѣдовательно, *порождаетъ* новый интересъ. Такимъ образомъ въ самой борьбѣ знаніе методовъ борьбы неизбѣжно связано съ расширеніемъ горизонта и цѣлей".

Итакъ, будущій строй не можетъ входить въ „активную" програмную дѣятельность. А въ *пассивную* — можетъ? Я думаю, что тоже нѣтъ. „Будущій строй" есть *цѣль* и, *какъ таковая* разумѣется, не входитъ въ дѣятельность (активную, пассивную и т. дал.), которая служитъ *средствомъ* для достиженія цѣли. Это опять одна изъ „элементарнѣйшихъ" истинъ; вѣрнѣ сказать — это трюизмъ, доказывать который „съ ученымъ видомъ знатока" по меньшей мѣрѣ странно.

И что такое этотъ „будущій строй"? Соціалисты-утописты подробно изображали въ своихъ сочиненіяхъ будущее, рекомендуемое ими общественное устройство. Современные соціалисты не любятъ такихъ изображеній. „Будущій строй" фигурируетъ въ ихъ програм-махъ лишь какъ указаніе на необходимость и на неизбѣжность *устраненія* (а не только *смягченія)* капиталистической эксплуатаціи и перехода всѣхъ средствъ производства и обращенія продуктовъ въ общественную собственность. Въ этомъ смыслѣ „будущій строй" является главной цѣлью соціалистической дѣятельности, и сказать, что онъ не долженъ входить въ соціалистическую програму, значитъ или совсѣмъ не понимать ея смысла, или окончательно отказаться отъ соціализма. Мы увидимъ, что въ 1898 году, какъ ав-

торъ письма, такъ и другіе наши „молодые товарищи" были очень склонны *именно къ такому отказу.*

„Будущій строй зависитъ не только отъ класса рабочихъ, но и отъ комбинаціи всѣхъ условій производства". Это противопоставленіе класса рабочихъ условіямъ производства очень странно въ устахъ человѣка, который называлъ себя марксистомъ и который долженъ былъ знать, что раздѣленіе общества на классы и степень развитія каждаго изъ нихъ въ отдѣльности находятся въ тѣсной причинной зависимости отъ условій производства. Однако, оставимъ это. Будемъ помнить, что письмо не статья и что въ немъ можно простить описки и промахи, совсѣмъ непростительные въ произведеніи приготовленномъ для печати. Но слѣдующее далѣе разсужденіе автора письма объ „интересахъ рабочаго класса" не описка; онъ считаетъ его серьезнымъ, новымъ, важнымъ и поучительнымъ. Въ чемъ-же заключается его сущность? Въ томъ, что вѣрно указанный путь борьбы „*порождаетъ* новый интересъ". Какъ порождаетъ? Уча рабочихъ бороться и указывая имъ на препятствія. Указать рабочимъ на препятствія и научить ихъ бороться, значитъ развить ихъ самосознаніе. *Выходитъ, что интересы рабочихъ порождаются развитіемъ ихъ самосознанія.* Это, дѣйствительно, ново въ устахъ людей, называющихъ себя марксистами. Авторъ письма думаетъ, что *сознаніе* даннаго интереса тождественно съ его „*порожденіемъ*". Это — *идеалистическая точка зрѣнія*, на которой стояли, напримѣръ, французскіе энциклопедисты *восемнадцатаго* вѣка, и которая окончательно устранена успѣхами общественной науки въ *девятнадцатомъ.*

„Рабочимъ извѣстны только двѣ вещи: ихъ собствен-

ный, ясно сознанный, конкретный интересъ и ихъ положеніе среди другихъ классовъ". Это тоже надо разобрать. *Всегда-ли* извѣстны рабочимъ ихъ собственные интересы и ихъ положеніе среди другихъ классовъ? Мы, сторонники матеріалистическаго взгляда на исторію, думаемъ, что *далеко не всегда.* Мы не сомнѣваемся въ томъ, что *сознаніе* людей опредѣляется ихъ *общественнымъ бытіемъ.* Появленіе новыхъ сторонъ бытія обусловливаетъ собою новое содержаніе сознанія. Но это опредѣленіе сознанія бытіемъ есть *цѣлый процессъ,* совершающійся въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Вотъ почему рабочимъ далеко не всегда извѣстны ихъ „реальные интересы". И вотъ почему, напримѣръ, нѣкоторые нѣмецкіе рабочіе поддерживаютъ не соціальдемократовъ, а „свободно-мыслящихъ" или партію центра или даже крупныхъ землевладѣльцевъ. Отношеніемъ *сознанія* къ *бытію* ясно и точно опредѣляется „*роль надстройки — интеллигентной соціальдемократіи*". Она должна понять экономическое и (*обусловленное имъ*) соціально-политическое положеніе данной страны, которыми опредѣляются *экономическіе интересы* и *политическія задачи* рабочаго класса. Уяснивъ эти интересы и эти задачи *самой себѣ,* она должна *немедленно перейти къ уясненію ихъ рабочему классу.* Она должна стараться ускорить тотъ процессъ, благодаря которому *содержаніе сознанія* приспособляется къ *формамъ бытія.* Занимаясь этимъ важнымъ и благороднымъ дѣломъ, она не только *можетъ,* но и *должна* говорить и о соціальной революціи, и о захватѣ власти рабочимъ классомъ, такъ какъ и та, и другой, — и революція, и захватъ,—представляютъ собою необходимое предварительное условіе окончательнаго освобожденія рабочаго

класса отъ ига капитализма. Конечно, объ этомъ, какъ и обо всемъ прочемъ, надо говорить умѣючи. Но кто-же этого не знаетъ? Разумѣется также, что говорить о соціальной революціи не значитъ звать рабочихъ къ немедленному пролитію „кроваваго моря". Но опять-таки, кто-же этого не знаетъ? У Тургенева въ „Нови" Неждановъ кричитъ мужикамъ: Впередъ! За свободу! Умремъ! и т. под.*) Мужики ничего не понимаютъ въ этомъ крикѣ и находятъ, что Неждановъ — сердитый баринъ. Вся эта сцена совершенно нелѣпа. Но вѣдь это *каррикатура,* очень мало соотвѣтствовавшая тактикѣ русскихъ народниковъ-революціонеровъ, и уже вовсе не соотвѣтствующая тактикѣ современной соціальдемократіи. Почему же авторъ письма нашелъ нужнымъ осуждать неждановскую тактику „послѣ Бельгіи"? Удивительно!

Да, удивительно. Но удивительно для насъ, держащихся матеріалистическаго объясненія исторіи, и совершенно естественно для автора письма, смотрящаго на исторію съ точки идеализма. По его мнѣнію, понять интересъ данной минуты значитъ прежде всего понять „ту активно-психическую базу, которая явится двигателемъ массы". Тамъ, гдѣ мы начинаемъ *съ экономіи,* онъ начинаетъ *съ психологіи.* Содержаніе *нашей* проповѣди опредѣляется *экономическими и соціально-политическими отношеніями, которыя мы стараемся уяснить рабочему классу.* А у тѣхъ людей, которые стоятъ на точкѣ зрѣнія автора письма, содержаніе пропаганды опредѣляется, какъ говоритъ онъ самъ, *уже сознанными интересами рабочихъ.* Указаніе пути на почвѣ *этихъ* ин-

*) Цитирую на память.

тересовъ есть, — опять по его же выраженію, — *единственная* задача соціальдемократіи. Отсюда онъ дѣлаетъ тотъ, совершенно логичный выводъ, что не слѣдуетъ „говорить теперь, пропагандировать рабочимъ сверженіе самодержавія". Онъ заговоритъ объ этомъ только тогда, когда сама масса *уже* будетъ проникнута ненавистью къ самодержавію. Онъ не желаетъ стучатся въ закрытыя сердца, потому что это значитъ „не найти въ нихъ желаннаго отклика". Онъ начнетъ стучаться только тогда, когда они будутъ *уже* открыты.

Читатель спроситъ, пожалуй: да зачѣмъ же стучаться въ тѣ сердца, которыя *уже* открыты? И не выходитъ-ли изъ словъ автора письма, что „*единственная*", задача соціальдемократіи заключается въ томъ, чтобы, по извѣстному выраженію, *ломиться въ открытую дверь?* На это я отвѣчу, что и въ самомъ дѣлѣ именно это выходитъ изъ словъ автора письма. *Его* идеализмъ приводитъ его *въ тупой переулокъ.*

Если бы мы поставили своей „единственной" задачей ту дѣятельность, которую онъ намъ рекомендуетъ, то мы тѣмъ самымъ объявили бы, что не желаемъ содѣйствовать развитію самосознанія пролетаріата, а это было-бы равносильно отказу отъ важнѣйшей исторической миссіи соціальдемократіи. Мысль о такомъ отказѣ всегда была чрезвычайно далека отъ группы „Освобожденіе Труда." Отсюда — ея „*антагонизмъ*" съ авторомъ письма и съ его единомышленниками.

Чтобы быть справедливымъ по отношенію къ идеалистамъ, я замѣчу, однако, что хотя идеализмъ несомнѣнно представляетъ собою *гораздо менѣе* прочную основу для революціонныхъ выводовъ, чѣмъ матеріализмъ, но тѣмъ не менѣе онъ не всегда приводитъ своихъ

сторонниковъ къ *трезденности*, свойственной автору разбираемаго мною письма. Французскіе идеалисты восемнадцатаго вѣка были убѣжденными революціонерами. Они не боялись *стучаться въ закрытыя сердца* и умѣли отворять ихъ своимъ вдохновеннымъ словомъ. Если авторъ письма *консервативенъ*, то въ этомъ виновато главнымъ образомъ то обстоятельство, что онъ не только идеалистъ, но въ добавокъ—*идеалистъ, фальсифицированный марксизмомъ*

Онъ слышалъ, что по теоріи Маркса въ основѣ великихъ общественныхъ движеній лежатъ великіе общественные интересы. Онъ зналъ, что по смыслу той-же теоріи, только та пропаганда имѣетъ шансы на успѣхъ въ средѣ людей даннаго класса, которая выражаетъ интересы этого класса и опирается на нихъ. Но онъ не выяснилъ себѣ, какое именно понятіе должно связываться со словомъ: *интересъ*. Онъ отождествилъ интересъ съ *извѣстнымъ состояніемъ сознанія.* Онъ рѣшилъ, что интересы „*порождаются*" не фактическими отношеніями людей въ общественномъ процессѣ производства, а человѣческимъ сознаніемъ. Короче, онъ придалъ этому слову совершенно идеалистическое толкованіе. А такъ какъ онъ во что бы то ни стало хотѣлъ стать на „*научную*" почву, то онъ и заговорилъ объ „активно-психической базѣ", какъ о такомъ предѣлѣ, котораго не должна переступать соціальная демократія, если она не хочетъ превратиться въ партію утопистовъ. Но названная база стоитъ въ нынѣшней Россіи очень не высоко: русская трудящаяся *масса* пока еще не понимаетъ необходимости борьбы съ самодержавіемъ; поэтому авторъ письма осуждаетъ всякіе толки о сверженіи самодержавія. Какъ я уже замѣтилъ выше, онъ

позволитъ намъ нападать въ нашихъ писаніяхъ на самодержавіе только тогда, когда самодержавіе потеряетъ всякій престижъ въ глазахъ народа, т. е. когда наши нападки на него станутъ совершенно излишни.

Во время свиданія Моисея съ Іеговой на горѣ Синаѣ, сварливый еврейскій богъ стоялъ, какъ извѣстно, спиною къ своему вѣрному слугѣ, такъ что почтенный вождь Израиля видѣлъ только „*заднюю его*“. Наши сторонники „экономическаго“ направленія въ этомъ отношеніи похожи на Моисея: они видятъ только „заднюю“ нашего пролетаріата. Но Моисей созерцалъ божью „заднюю“ потому, что такъ угодно было его деспотическому повелителю, а наши „экономисты“ созерцаютъ заднюю рабочаго класса единственно по той причинѣ, что такъ *угодно имъ самимъ*. И они приходятъ въ очень непріятное раздраженіе, когда пролетаріатъ оборачивается къ нимъ другою частью своего тѣла*). Конечно

---

*) Вотъ примѣръ. Въ № 1 „Рабочаго Дѣла“ (стр 79) мы читаемъ: „Въ серединѣ декабря на фабрикахъ Максвеля и Паля были распространены прокламаціи за подписью „Союза Борьбы за освобожденіе рабочаго класса“, въ которыхъ формулировались требованія рабочихъ.... Совершенно случайно въ прокламацію не попало еще два *политическихъ* требованія, выставленныхъ рабочими, именно: требованіе свободы стачекъ и свободы собраній. Какъ передаютъ, въ спискѣ требованій, составленномъ самими рабочими.... эти требованія были указаны; и тѣмъ обстоятельствомъ, что въ воззваніи ихъ не оказалось, рабочіе остались очень недовольны“. Вы понимаете, читатель, смыслъ, той „*совершенной случайности*“, благодаря которой изъ списка требованій рабочихъ были выкинуты *политическія* требованія? „Интеллигенты“, которымъ былъ переданъ списокъ, выпустили ихъ, какъ несоотвѣтствующія „активно-психической базѣ“. „Интеллигенты“ превратились въ цензоровъ, „непропускающихъ“ извѣстныхъ тенденцій. А редакція „Рабочаго Дѣла“ ничего „не знаетъ“. Жаль! очень жаль!

de gustibus non est disputandum, но все таки довольно странны вкусы „порождающіеся“ у идеалистовъ, „*софистицированныхъ*“ *марксизмомъ*.

Авторъ письма говоритъ, что онъ не принимаетъ „за евангеліе“ Манифеста Коммунистической Партіи. Онъ настаиваетъ на необходимости пересмотра высказанныхъ тамъ взглядовъ. Короче, онъ принадлежитъ къ числу многочисленныхъ теперь „критиковъ“ Маркса. Мы видѣли, къ чему привела его „критика“: къ историческому идеализму XVIII-го вѣка, софистицированному плохо понятымъ марксизмомъ. Подобныя оказіи часто случаются теперь съ гг. „критиками“ Маркса: они кричатъ о необходимости идти впередъ, а на самомъ дѣлѣ пятятся назадъ, подобно ракамъ. И вотъ почему необходимымъ условіемъ дальнѣйшаго развитія революціонной мысли Европы является въ настоящее время *критика гг. критиковъ*.

Товарищъ К — въ (Кольцовъ) сказалъ въ своей брошюрѣ о законѣ 2-го Іюня, что царское правительство не можетъ заботиться объ интересахъ рабочихъ, и что оно должно погибнуть, для того, чтобы рабочіе могли жить. Авторъ письма возражаетъ на это, что ни одно правительство Запада не помогаетъ рабочимъ защищать свои интересы, и что, напротивъ, каждое изъ нихъ препятствуетъ имъ въ этомъ. При чемъ-же тутъ абсолютизмъ? спрашиваетъ онъ съ нескрываемой проніей. Я не стану останавливаться на этомъ возраженіи, представляющемъ собою лишь блѣдную копію со старой аргументаціи бакунистовъ, утверждавшихъ, что „буржуазныя конституціи“ никогда ничего не приносили рабочему классу. Я увѣренъ, что читатель и самъ знаетъ, въ чемъ заключается слабая сторона этой

аргументаціи. Но не мѣшаетъ замѣтить, что бакунизмъ тоже представляетъ собою одну изъ разновидностей идеализма софистицированнаго марксизмомъ*).

Не стану я также разбирать тотъ взглядъ автора, что „въ Россіи нельзя ожидать чего-либо отъ конституціи". Это тотъ же бакунизмъ.

Мнѣ хочется теперь обратить вниманіе читателя на то мѣсто письма, гдѣ говорится, что въ нашей соціальдемократической литературѣ подборъ фактовъ и освѣщеніе ихъ должны отвѣчать главной задачѣ: борьбѣ настоящей, борьбѣ возможной, а „пропаганда будущаго, соціализма и всего прочаго(?!) можетъ пока служить лишь для привлеченія отдѣльныхъ лицъ". Мы сейчасъ увидимъ къ какимъ выводамъ пришли люди, раздѣлявшіе этотъ взглядъ.

Третьимъ документомъ въ нашемъ сборникѣ является письмо г. Г., одного изъ нынѣшнихъ столповъ „Союза русскихъ соціальдемократовъ". Оно было написано около того же времени, къ которому относится только-что разобранное мною письмо, т. е. весною 1898 года, и передано въ редакцію „Работника" для ея назиданія. Господинъ Г. принадлежалъ въ то время къ .... ской группѣ о которой говорится въ предыдущемъ письмѣ. Онъ излагаетъ въ своей эпистолѣ взгляды нѣкоего N. N., одного изъ авторовъ вошедшей въ нашъ сборникъ брошюры противъ группы „Освобожденіе Т." Онъ считаетъ этого г. N. N.

„человѣкомъ выдающимся по своему оригинальному мышленію и умѣнію критически относиться ко всякимъ революціоннымъ традиціямъ и взглядамъ".

Онъ указываетъ на то, что по мнѣнію г. N. N. „утопично и ребячество" не только говорить о захватѣ политической власти пролетаріатомъ, но также, между прочимъ, и „ставить въ программу обобществленіе орудій труда" (sic)! Поясняя этотъ, по истинѣ *выдающійся* взглядъ, г. Г. прибавляетъ, что для г. N. N. „еще вопросъ", *можемъ-ли мы говорить объ уничтоженіи капиталистической эксплуатаціи.* Господинъ Г. увѣряетъ даже,—со словъ г. N. N. и вопреки общеизвѣстнымъ фактамъ, — что всѣ усилія бельгійской партіи направить рабочихъ на широкую политическую борьбу разбиваются въ конецъ. Изъ всего этого господиномъ N. N. дѣлался,—по словамъ г. Г.,—тотъ выводъ, что

„толковать рабочей массѣ въ Россіи объ уничтоженіи капитализма, о соціализмѣ, наконецъ, объ уничтоженіи самодержавія вообще нелѣпость".

Все это, безспорно, — очень „*выдающіеся*" взгляды. Какъ же смотритъ на нихъ самъ г. Г.? Въ одномъ мѣстѣ своего письма онъ замѣчаетъ, что путь критики, чрезвычайно благодарный для такого выдающагося человѣка, какъ г. N. N., въ тоже время очень скользкій путь. Но онъ рѣшительно нигдѣ не высказываетъ убѣжденія въ томъ, что г. N. N. *уже поскользнулся.* Напротивъ, онъ горячо защищаетъ его ученіе. А изъ другого письма того же г. Г. ясно видно, что онъ разошелся съ г. N. N. *вовсе не потому*, что тотъ называлъ *нелѣпостью* толки о борьбѣ съ самодержавіемъ и съ капитализмомъ.

Это другое письмо г. Г. составляетъ *четвертый* документъ нашего сборника. Оно, какъ и первое письмо,

*) См. объ этомъ въ моей брошюрѣ: «Anarchismus und Sozialismus». Berlin 1894.

не имѣетъ даты. Но по его содержанію не трудно опредѣлить время, къ которому оно относится. Господинъ Г. говоритъ въ немъ о возникновеніи такъ называвшейся *русской* соціальдемократической партіи. Слѣдовательно, оно написано *послѣ* ея возникновенія. А такъ какъ она возникла весною 1898 года, то и письмо г. Г. написано *не раньше этого времени*. Изъ этого письма видно, что г. Г. — одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ въ „С. Р. С.-Д.“ — очень скептически относился какъ къ „русской“, такъ и къ „россійской“ соціальдемократической партіи. Онъ даже сомнѣвался въ томъ, что появленіе этихъ партій*) можетъ быть названо прогрессивнымъ явленіемъ. Неудивительно послѣ этого, что на съѣздѣ соціальдемократовъ онъ былъ въ числѣ тѣхъ, которые отказались заявить о своей солидарности съ манифестомъ Россійской Соціальдемократической Партіи**).

Далѣе въ этомъ второмъ письмѣ г. Г. обращаетъ на себя вниманіе то мѣсто, гдѣ говорится о „новомъ апостолѣ“. Новый апостолъ не кто иной, какъ „выдающійся“ г. N. N., извѣстный намъ изъ перваго письма г. Г. Этотъ N. N. „милъ“ ему, господину Г., „по-прежнему“. Господинъ Г. „немного“ расходится съ нимъ

„по вопросу о необходимости выставленія въ программахъ организаціоннаго начала“,

но во всемъ остальномъ между ними царитъ „полное“ и трогательное согласіе.

Изъ этого слѣдуетъ, что весною 1898 года, уже послѣ

*) Какъ извѣстно, очень скоро слившихся въ одну.

**) Можетъ быть, г. Г. скажетъ, что это не точно? Аксельродъ имѣетъ документы, съ помощью которыхъ я неопровержимо докажу справедливость своихъ словъ. Хочетъ-ли этого г. Г.?

возникновенія Русской Соціальдемократической Партіи, г. Г., одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ Союза Русскихъ Соціальдемократовъ, былъ одного мнѣнія съ человѣкомъ, утверждавшимъ, что нелѣпо толковать русской рабочей массѣ о сверженіи самодержавія, о соціализмѣ и даже объ уничтоженіи капитализма.

Отрицательное отношеніе къ „толкамъ“ объ *уничтоженія капитализма* совершенно понятно въ г. Г., „вполны согласномъ“ съ г. N. N., который думалъ, что

„утопично и ребячество ставить въ нашу программу обобществленіе орудій труда“.

Редакція „Рабочаго Дѣла“ ничего „не знала“ объ этомъ. Бѣдняжка!

Господинъ Г. увѣряетъ теперь всѣхъ и каждаго, что никакихъ принципіальныхъ разногласій съ группой О. Т. у него не было. Судите вы сами, читатель, объ его правдивости.

И не одинъ г. Г. былъ въ 1898 году „вполнѣ согласенъ“ съ г. N. N. Когда пишущій эти строки поднялъ вопросъ объ исключеніи изъ партіи господина N. N., какъ человѣка, совершенно отрицающаго точку зрѣнія соціальной демократіи и въ своемъ отрицаніи идущаго даже дальше пресловутаго „*отступника*“ Бернштейна, мое предложеніе вызвало горячій протестъ со стороны нашихъ „молодыхъ“, объявившихъ, что они считаютъ и будутъ считать его своимъ товарищемъ. Въ то же самое время насъ увѣряли, что г. Бернштейнъ есть „великое явленіе“, заслуживающее не порицанія, а полнѣйшаго сочувствія*).

*) Отголоски этого сочувствія „великому явленію“ дошли до самого г. Бернштейна, который намекаетъ на него въ своей извѣстной брошюрѣ.

Въ виду этой оппозиція группа Освобожденіе Труда отказалась отъ мысли объ исключеній г. N. N., который съ своей стороны обѣщалъ изложить свои взгляды въ особой брошюрѣ.

Эта брошюра представляетъ собою *пятый* документъ въ нашемъ сборникѣ. Она была привезена въ Женеву и торжественно вручена мнѣ г. Г., настоятельно требовавшимъ ея напечатанія отъ имени всѣхъ „молодыхъ" товарищей. Я обѣщалъ немедленно отдать ее въ наборъ, прибавивъ, что вслѣдъ за ея выходомъ, я напечатаю свой отвѣтъ на нее. Товарищъ Б. уже приступилъ, если не ошибаюсь, къ набору полемическаго произведенія г. N. N., какъ вдругъ отъ „молодыхъ" товарищей пришло новое настоятельное требованіе, на этотъ разъ совершенно противоположнаго характера: они требовали, чтобы мы прекратили печатаніе брошюры. Но не думайте, читатель, что причиной этой внезапной перемѣны рѣшенія была столь-же внезапная перемѣна въ образѣ мыслей нашихъ „экономическихъ" товарищей. Противъ этой мысли говоритъ какъ психологическая невозможность подобныхъ перемѣнъ въ головахъ людей, хотя и называющихъ себя молодыми, но давно уже вышедшихъ изъ юношескаго возраста, такъ и множество другихъ соображеній.

Во-первыхъ, второе письмо г. Г., написанное послѣ переговоровъ о напечатаніи брошюры г. N. N., ясно свидѣтельствуетъ о томъ, что „мы" разошлись съ этимъ господиномъ лишь по вопросу объ „организаціонномъ началѣ", а во всемъ остальномъ „мы" были съ нимъ вполнѣ согласны.

Во-вторыхъ, на съѣздѣ наши „молодые" товарищи отказались, какъ извѣстно, стать на точку зрѣнія ма-

нифеста россійской соціальдемократической партіи. Это показываетъ, что они и тогда продолжали держаться „экономическаго" направленія, главнымъ и наиболѣе послѣдовательнымъ выразителемъ котораго былъ г. N. N.

Въ-третьихъ, въ одной изъ своихъ замѣтокъ, напечатанныхъ въ № 9-10 „Листка Работника", вышедшемъ послѣ съѣзда, г. В. И—ъ — *одинъ изъ нынѣшнихъ редакторовъ* „Рабочаго Дѣла"—обрушивается на „революціонеровъ", которые будто бы

„считали за безусловную истину, да и теперь еще не совсѣмъ перестали такъ думать, что классовое рабочее движеніе при настоящихъ политическихъ условіяхъ невозможно въ Россіи".

По словамъ г. В. И — а эти „революціонеры" смотрѣли на рабочую массу только какъ на наиболѣе революціонную среду, и изъ нея разсчитывали черпать главныя силы для борьбы съ самодержавіемъ. Изъ рабочихъ же

„они хотѣли лишь вырабатывать сознательныхъ борцовъ за общедемократическіе идеалы и совсѣмъ не желали «съуживать» своей дѣятельности организаціей рабочихъ для борьбы съ предпринимателями и активнымъ участіемъ въ стачкахъ".

О какихъ революціонерахъ говоритъ г. В. И — ъ, *одинъ изъ нынѣшнихъ редакторовъ* „Рабочаго Дѣла"? Читателю, знакомому съ литературной дѣятельностью группы „Освобожденіе Труда" и съ революціоннымъ прошлымъ ея членовъ, конечно и въ голову не придетъ, что рѣчь идетъ именно объ этой группѣ*). Но прочи-

---

*) Минуя другія наши сочиненія, я укажу на свою брошюру: „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи" (Женева, 1892), гдѣ я, возражая нашимъ противникамъ, подробно доказываю, что рабочее движеніе не только возможно, но уже и началось въ современной Россіи, и что наша партія не можетъ ограничиться борьбой за „общедемократическіе идеалы". Конечно,

тавъ брошюру г. N. N., онъ увидитъ, что г. В. И—ъ, — *одинъ изъ нынѣшнихъ редакторовъ* „Рабочаго Дѣла“ — лишь повторяетъ упреки, расточаемые въ этой брошюрѣ по нашему адресу. Стало быть еще въ ноябрѣ 1898 года (т. е. во время выхода № 9-10 „Листка Работника“) г. В. И—ъ, — одинъ изъ нынѣшнихъ редакторъ „Рабочаго Дѣла“. — вполнѣ одобрялъ отрицательное отношеніе г. N. N. къ программѣ и къ дѣятельности группы „Освобожденіе Труда“. Ясно, что не это отрицательное отношеніе заставило бы г. В. И—а высказаться противъ напечатанія брошюры г. N. N.

Но указанная мною статья г. В. И—а, — одного изъ нынѣшнихъ редакторовъ „Рабочаго Дѣла“, — не была выраженіемъ его личныхъ взглядовъ на программу и дѣятельность группы „Освобожденіе Труда“. Эту статью одобряли какъ разъ тѣ самые „молодые товарищи“, которые сначала потребовали отъ насъ напечатанія брошюры г. N. N., а потомъ взяли назадъ свое требованіе. Отсюда видно, что и у нихъ внезапная перемѣна рѣшенія вызвана была вовсе не сомнѣніемъ въ основательности нападокъ г. N. N. на сторонниковъ политической агитаціи.

Въ чемъ же дѣло?

Просто на просто въ послѣдовательности г. N. N. и въ непослѣдовательности прочихъ „экономическихъ“ товарищей. Вполнѣ вѣрный своимъ основнымъ взглядамъ (тождественнымъ со взглядами г. М. М., автора разобраннаго мною выше письма къ Аксельроду), г. N. N. все болѣе и болѣе склонялся къ отрицанію всякой *не-*

всякій имѣетъ право не знать того, о чемъ онъ говоритъ, но г. В. И—ъ злоупотребляетъ этимъ правомъ.

легальной дѣятельности. Созданіе „мирныхъ“ (т. е. легальныхъ) рабочихъ организацій постепенно стало центральнымъ пунктомъ его программы.

„Всякая организація важна, — говоритъ онъ съ своей брошюрѣ, — но особенно важны мирныя организаціи“.

Съ его точки зрѣнія это совершенно логично. Но такъ какъ логичность не можетъ быть названа главнѣйшей отличительной чертой образа мыслей нашихъ „молодыхъ“ (alias „экономическихъ“) товарищей, то они и отказались признать тѣ выводы, которые неизбѣжно вытекали изъ признанныхъ ими посылокъ. *Произошелъ разрывъ*, о которомъ говоритъ г. Г. въ своемъ второмъ письмѣ*). *Но этотъ разрывъ не помышалъ*, какъ мы уже знаемъ, *господину Г.*—одному изъ нынѣшнихъ столповъ С. Р. С.-Д. — *и его единомышленникамъ „во всемъ остальномъ“ вполнѣ соглашаться съ г.* N. N.

Такимъ образомъ „молодые товарищи“ рѣшили *не печатать* брошюру г. N. N.**) единственно потому, что они не могли одобрить его взглядъ на значеніе мирныхъ организацій. Нападки же его на сторонниковъ политической агитаціи не перестали казаться имъ вполнѣ основательными.

Въ чемъ состоитъ сущность этихъ нападокъ? Господинъ N. N. отожествилъ рекомендуемую группой „Освобожденіе Труда“ политическую борьбу съ заго-

*) „Мы съ нимъ немного (sic) расходимся въ вопросахъ о необходимости выставленія въ программахъ организаціоннаго начала, въ смыслѣ организаціи всякаго рода обществъ. Не отрицая этого въ принципѣ, мы считаемъ, что онъ недостаточно знаетъ условія жизни русскаго пролетаріата“.

**) На самомъ дѣлѣ г. N. N. былъ не единственнымъ авторомъ брошюры, но это не измѣняетъ дѣла.

ворщицкой и террористической дѣятельностью и сталъ доказывать, что для такой дѣятельности въ современной Россіи нѣтъ почвы. Не имѣющіе никакого понятія не только объ исторіи нашего революціоннаго движенія, но даже и объ условіяхъ возникновенія *ихъ собственной партіи,* „молодые товарищи“ не замѣтили этой передержки и ожесточились на группу „Освобожденіе Труда“, которой до сихъ поръ приходилось слышать упреки совершенно противоположнаго рода. Конечно, это было наивно до умилительности, но намъ приходилось отстаивать свою программу, и мы не считали возможнымъ ограничиться добродушно-насмѣшливымъ восклицаніемъ Гуса. „Молодые товарищи“ считали себя представителями новаго направленія въ русской *соціальдемократіи,* а между тѣмъ мы видѣли, что въ этомъ будо бы направленіи нѣтъ ни *соціализма,* ни *демократизма.* И чѣмъ яснѣе мы видѣли это, тѣмъ настоятельнѣе становилась потребность рѣшить—*что-же намъ дѣлать?* Впрочемъ, объ этомъ ниже, а теперь я хочу поговорить о брошюрѣ N. N.

Господинъ N. N. думаетъ, что политическая агитація будетъ у насъ своевременна только тогда, когда

„сами рабочіе, самопроизвольно, безъ революціонной бациллы —интеллигенціи, начнутъ борьбу съ самодержавіемъ“.

А до наступленія этого времени онъ совѣтуетъ избѣгать людей, занимающихся политической агитаціей, такъ-же старательно, какъ избѣгаютъ провокаторовъ. Я не буду *оспаривать* это мнѣніе, такъ какъ не желаю обижать читателей, зараженныхъ революціонной бациллой. Я ограничусь новымъ указаніемъ на коренное логическое условіе появленія подобныхъ мнѣній. Это условіе заключается въ совершенномъ непониманіи того материалистическаго взгляда на исторію, на которомъ г. N. N. хотѣлось бы построить свою „научную“ программу. Господинъ N. N. повторяетъ ошибку указанную мною при разборѣ перваго письма. Онъ говоритъ:

„Совокупность общественныхъ отношеній.... опредѣляетъ какіе интересы *могутъ быть* у рабочихъ, но не опредѣляетъ, какіе интересы уже сознаны рабочими и вошли въ ихъ жизнь“.

Это очень запутанно: какъ это вошли въ жизнь? Повышеніе заработной платы, конечно, имѣетъ огромный „интересъ“ для рабочихъ, который прекрасно сознается всѣми ими вообще и каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности. Но вошелъ-ли этотъ интересъ въ жизнь? Я не знаю. Сказать откровенно—я знаю, что это совершенно „несуразный“ вопросъ. Если онъ имѣетъ смыслъ длянг. N. N., то единственно потому, что этотъ господинъ еще непереварилъ понятія *интересъ.* Дальнѣйшее его изложеніе подтверждаетъ это какъ нельзя лучше.

„Съ помощью соціальнаго опыта, житейской практики etc., — читаемъ мы въ его брошюрѣ—сознаніе рабочихъ массъ постоянно нагоняетъ реальныя общественныя отношенія, никогда не отожествляясь съ ними“.

Зачѣмъ написано это? Развѣ кто-нибудь изъ противниковъ г. N. N. утверждалъ, что *сознаніе* массъ можетъ „*отожествиться*“ съ реальными общественными отношеніями? Никто изъ нихъ никогда не утверждалъ этого. Почему же г. N. N. убѣждаетъ ихъ, что указанное „отожествленіе“ невозможно въ *дѣйствительности?* Единственно потому, что онъ не замѣчаетъ *логической невозможности* подобнаго „отожествленія“. Это плохой знакъ.

Господинъ N. N. хочетъ сказать, что сознаніе массъ всегда *отстаетъ* отъ развитія общественныхъ отноше-

ній. Это справедливо въ большей или меньшей степени. Но единственный выводъ, логически вытекающій отсюда, тотъ, что „*революціонная бацилла*“ (все равно, происходитъ-ли она изъ интеллигенціи или изъ рабочихъ) *должна всѣми зависящими отъ нея средствами способствовать тому, чтобы сознаніе рабочихъ какъ можно меньше отставало отъ развитія реальныхъ отношеній даннаго общества:* вѣдь задача этой бациллы именно и заключается въ томъ, чтобы содѣйствовать развитію самосознанія пролетаріата. Но „выдающійся“ г. N. N. разсуждаетъ иначе.

„Поэтому то(!), — говоритъ онъ, — намъ и приходится дѣлать столь рѣшительное и коренное различіе между интересами, которые „мы“ (интеллигенты) приписываемъ рабочимъ, и интересами, дѣйствительно имѣющимися у нихъ“.

Теперь посмотрите, что у насъ выходитъ. Прежде у насъ были, во-первыхъ, *реальные интересы* рабочихъ, опредѣлявшіеся всею совокупностью общественныхъ отношеній, и во-вторыхъ — болѣе или менѣе ясное и полное сознаніе рабочими этихъ реальныхъ интересовъ. Теперь у насъ получились, во-первыхъ, интересы, *приписываемые* рабочимъ нами (интеллигентами), и во-вторыхъ интересы, *дѣйствительно* имѣющіеся у рабочихъ. Въ чемъ-же отличительные признаки интересовъ второго рода? Въ томъ, что *они сознаны рабочими*. Значитъ, *дѣйствительно имѣются* у рабочихъ только тѣ интересы, которые *сознаны* рабочими? Выходитъ, что — да. Но вѣдь самъ же г. N. N. сообщилъ намъ (хотя и въ очень неудачныхъ выраженіяхъ), что сознаніе рабочихъ *отстаетъ* отъ развитія общественныхъ отношеній. Развѣ изъ этого не слѣдуетъ, что у рабочихъ могутъ явиться такіе интересы, которыхъ они *еще* не

поняли? Конечно, слѣдуетъ. Но что прикажете дѣлать! Господинъ N. N. позабылъ свое собственное положеніе и незамѣтно для себя „отождествилъ“ *сознаніе* рабочихъ съ ихъ *реальными интересами*. Благодаря этой, нѣсколько несвоевременной забывчивости, онъ однимъ прыжкомъ перескочилъ съ точки зрѣнія Маркса, которую онъ хотѣлъ положить въ основу всѣхъ своихъ разсужденій, на точку зрѣнія идеализма, видящаго въ сознаніи послѣднюю, глубже всѣхъ другихъ лежащую причину историческаго движенія. Послѣ этого скачка совсѣмъ неудивительны его дальнѣйшія разсужденія:

„Развиваясь въ зависимости отъ условій мѣста и времени, сознаніе массъ дѣлаетъ безплодными всѣ попытки насиловать естественный ходъ развитія рабочаго движенія“.

И далѣе:

„вопросъ не въ томъ, богато-ли оно (руское рабочее движеніе) при современномъ строѣ русской жизни политическими задачами, а въ томъ, на какой ступени его развитія задачи эти могутъ быть внесены въ его программу, могутъ быть *реализованы*, другими словами, когда для разрѣшенія ихъ созрѣетъ въ немъ матеріальная сила?“

Такъ какъ царизмъ *еще* не возбуждаетъ ненависти въ рабочей *массѣ*, и такъ какъ у насъ, поэтому, *еще нѣтъ* матеріальной силы, необходимой для его сверженія, то г. N. N. думаетъ, что нападать на него теперь безсмысленно (и въ этомъ, какъ мы знаемъ, съ нимъ „*вполнѣ согласенъ*“ г. Г., одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д.“). Съ точки зрѣнія матеріалистическаго пониманія исторіи дѣло представляется иначе: съ этой точки зрѣнія „революціонная бацилла“ *обязана* развивать самосознаніе рабочаго класса; а это развитіе характеризуется тѣмъ, что рабочій классъ все яснѣе, все шире и все глубже понимаетъ свои интересы,

созданные въ послѣднемъ счетѣ экономикой современнаго общества. Дѣятельность „революціонной бациллы" только въ томъ случаѣ и имѣетъ смыслъ, если она содѣйствуетъ *ускоренію* этого процесса. А разъ мы хотимъ содѣйствовать его ускоренію, мы не только *можемъ*, но *должны* заводить рѣчь о такихъ интересахъ рабочихъ, которые *еще не сознаны* ими.

Не надо забывать впрочемъ, что г. N. N. склоняется къ легальной дѣятельности и очень неблаговолитъ къ „революціонной бациллѣ", которая кажется ему совсѣмъ лишнимъ элементомъ историческаго движенія. Подобно автору разобраннаго выше письма къ Аксельроду, г. N. N. — идеалистъ, софистицированный марксизмомъ, а въ наше время (во время Бакунина было не такъ) идеалисты этого разряда смотрятъ на революціонеровъ съ холоднымъ презрѣніемъ педантовъ.

Не забудемъ, однако, что у нашего автора есть нѣкоторыя смягчающія обстоятельства. Такими обстоятельствами являются многочисленныя въ его брошюрѣ *противорѣчія* показывающія, что въ моментъ ея писанія онъ еще не былъ окончательно засохшимъ педантомъ.

Крупнѣйшее изъ этихъ противорѣчій заключается въ слѣдующемъ: съ одной стороны г. N. N. желаетъ, чтобы мы *ждали* пока рабочіе „самопроизвольно, безъ революціонной бациллы интеллигенціи", начнутъ борьбу съ самодержавіемъ; а съ другой стороны онъ признаетъ (не даромъ же онъ софистицированъ именно *марксизмомъ*), что мы *должны* вести въ рабочей массѣ пропаганду, которая помогла бы ей „разобраться въ окружающемъ, въ существующихъ отношеніяхъ". Онъ самъ сознаетъ это противорѣчіе и старается выйти

изъ него съ помощью *различенія между пропагандой* съ одной стороны *и агитаціей*—съ другой.

„Пропаганда есть лишь одинъ изъ факторовъ, развивающихъ сознаніе рабочимъ своихъ интересовъ; это сознаніе развивается закономѣрно въ зависимости не отъ одной лишь пропаганды, а главнымъ образомъ отъ личнаго жизненнаго опыта рабочаго. Сознаніе рабочихъ не тѣсто, лѣпить изъ котораго „мы" (интеллигенты) призваны по собственному образу и подобію. „Мы" и „наши" усилія могутъ лишь дополнять то, чему учитъ рабочаго жизнь".

Что пропаганда есть лишь одинъ изъ факторовъ, развивающихъ сознаніе рабочихъ, это мы знали уже въ то время, когда г. N. N. ходилъ. по выраженію моряковъ, еще съ разрѣзной бизанью. Очень давно уже знаемъ мы и то, что сознаніе рабочихъ не тѣсто. Но вопросъ вовсе не въ этомъ. Намъ надо рѣшить, каково должно быть *содержаніе* пропаганды; можетъ-ли пропагандистъ указывать рабочимъ на такіе интересы ихъ класса, которые еще не замѣчены, не поняты, не *сознаны* ими? Господинъ N. N. самъ признаетъ, что — можетъ. А это лишаетъ всякаго смысла всѣ его разсужденія на ту тему, что мы не можемъ включать въ свою программу тѣ интерессы рабочаго класса, которые еще не сознаны имъ. Развѣ при пропагандѣ рѣчь идетъ не о „*программѣ?*" Противопоставленіе же агитаціи пропагандѣ ни мало не облегчаетъ затруднительнаго положенія г. N. N., какъ это очень хорошо видно изъ нижеслѣдующаго.

„Напротивъ — продолжаетъ онъ — въ агитаціи мы исходимъ изъ потребностей, уже существующихъ у агитируемыхъ лицъ (sic), изъ интересовъ, уже сознанныхъ, ощущаемыхъ (sic) ими. Роль агитатора сводится не къ доказательству того, что положеніе данной личности можетъ быть улучшено; — это дѣло пропагандиста; дѣло же агитатора *указать пути и средства* человѣку, уже

знающему, что ему нужно. Агитаторъ пользуется недовольствомъ, существующемъ въ массѣ, и указываетъ ей *практическіе пути* для достиженія желанной цѣли. Агитаторъ, такъ сказать, придаетъ опредѣленную форму существующему недовольству или уже возникшему протесту".

Агитаторъ долженъ придать опредѣленную форму уже возникшему протесту. Хорошо. Но можетъ-ли онъ сдѣлать это, не повліявъ на *сознаніе рабочихъ?* Конечно, нѣтъ. Значитъ и въ агитаціи „революціонной бациллѣ" приходится дѣлать то самое дѣло, въ которомъ заключается ея историческое призваніе: развивать самосознаніе рабочихъ. Въ *этомъ* отношеніи между пропагандой и агитаціей нѣтъ существенной разницы.

Агитаторъ долженъ указать пути и средства. Это еще лучше. Но я опять спрошу: можетъ-ли онъ сдѣлать это, не повліявъ на *сознаніе рабочихъ?* Долженъ-ли онъ говорить *только* о такихъ путяхъ и средствахъ, которые *уже извѣстны* рабочимъ? Это было-бы безсмысленно. Если бы онъ говорилъ *только* объ этихъ путяхъ, то его рѣчи были бы излишни и самъ онъ игралъ бы роль знаменитаго пятаго колеса въ телегѣ. Агитаторъ можетъ и долженъ говорить *также и о такихъ путяхъ и средствахъ, которые еще неизвѣстны рабочему.* Но въ такомъ случаѣ непонятно, зачѣмъ онъ будетъ ждать пока рабочіе „самопроизвольно" возненавидятъ абсолютизмъ и начнутъ борьбу съ нимъ. Развѣ побѣда надъ абсолютизмомъ не принадлежитъ къ числи путей и средствъ обезпеченія нѣкоторыхъ, очень важныхъ, интересовъ трудящагося класса?

По мнѣнію г. N. N., дѣло агитатора заключается въ указаніи путей и средствъ человѣку, уже знающему, что ему нужно. Допустимъ, что это вѣрно. Но спрашивается, что-же нужно русскому рабочему? Улучшеніе его экономическаго положенія. Извѣстно-ли ему это? Извѣстно. А что неизвѣстно ему? Ему неизвѣстно, что завоеваніе политическихъ правъ является однимъ изъ важнѣйшихъ путей и средствъ борьбы за экономическіе интересы всякаго даннаго класса. Значитъ агитаторъ долженъ объяснить ему это, а не ждать, пока это будетъ понято рабочимъ *„самопроизвольно"*. Господинъ N. N. доказываетъ какъ разъ то положеніе, которое ему хотѣлось опровергнуть.

Впрочемъ, г. N. N. и вполнѣ согласный съ нимъ г. Г., — одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д.", — допускаютъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи рабочему можно и должно указывать на необходимость завоеванія имъ *нѣкоторыхъ политическихъ правъ.* Они не желаютъ только, чтобы агитаторы толковали о *борьбѣ съ самодержавіемъ.* Но, во-первыхъ, этимъ признаніемъ они сами совершенно стираютъ ту демаркаціонную линію, которую они проводятъ между агитаціей и пропагандой, а во-вторыхъ — можно-ли говорить о завоеваніи политическихъ правъ, не касаясь вопроса о нашемъ нынѣшнемъ политическомъ порядкѣ? Кажется, что нѣтъ; кажется, что это совершенно невозможно. А если невозможно, то агитаторъ не долженъ откладывать въ долгій ящикъ свои нападки на самодержавіе и не можетъ ждать пока рабочіе „самопроизвольно" вступятъ въ борьбу съ царизмомъ.

По историческимъ причинамъ, разсмотрѣніе которыхъ совершенно выходитъ изъ рамокъ этого предисловія, трудящееся населеніе Россіи привыкло воображать царя чѣмъ-то въ родѣ народнаго трибуна. Оно думаетъ, что царь защищаетъ его интересы отъ посяг-

гательствъ со стороны высшихъ сословій. Вслѣдствіе этого глубоко вкоренившагося предразсудка крестьянская и *даже рабочая масса* склонна относиться съ недовѣріемъ къ людямъ, возстающимъ противъ царя. По этому — и *только поэтому* — мы вынуждены *осторожно подходить къ вопросу о царизмѣ.* Намъ приходится употреблять здѣсь особые пріемы. Наиболѣе удачнымъ изъ нихъ всегда оказывался и всегда будетъ оказываться способъ, который я назвалъ бы *сократовскимъ.* Сократъ былъ „*акушеромъ мысли*". Онъ не самъ высказывалъ извѣстную мысль, а заставлялъ своихъ собесѣдниковъ формулировать ее, какъ неизбѣжный выводъ изъ ихъ собственныхъ посылокъ. Его убѣжденіе постепенно и незамѣтно сообщалось его слушателямъ. Такъ же должны поступать и мы. Этотъ пріемъ подсказывается намъ какъ историческими предразсудками нашего народа, такъ и полнымъ отсутствіемъ у насъ свободы слова. Но, во-первыхъ, держаться его приходится не только агитатору, но и пропагандисту, а во-вторыхъ держаться сократовскаго метода въ политической агитаціи не значитъ *отказываться* отъ этой агитаціи подобно г. N. N., автору брошюры противъ группы „Освобожденіе Труда", и г. Г., одному изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д."*).

Г. N. N. и вполнѣ согласный съ нимъ г. Г.,—одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д.", — обвиняютъ группу „Осв. Тр." въ томъ, что она зоветъ рабочихъ

*) Указанный методъ практиковался еще бунтарями народниками 70-хъ годовъ. См. въ моей брошюрѣ: „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи", разсказъ о томъ, какъ они разрушали вѣру рабочихъ въ царя во время стачекъ на Обводномъ Каналѣ.

прямо чуть не на баррикады, что она, какъ выражается г. Г., одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д.", хочетъ взять самодержавіе „на уру". Это вздорное обвиненіе. Чтобы опровергнуть его, мнѣ достаточно указать на наши изданія. Но такъ какъ нѣкоторые „молодые товарищи", повидимому, не хотятъ взять на себя трудъ ознакомиться съ этими изданіями, то я приведу здѣсь слѣдующее мѣсто изъ моей брошюры. „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи" (Женева 1892).

„Дѣло агитатора заключается въ томъ, чтобы въ каждомъ данномъ случаѣ пустить въ обращеніе максимумъ революціонныхъ идей, доступныхъ для массы. За всякую ошибку въ ту или другую сторону агитатора ждетъ жестокое наказаніе. Если онъ преувеличилъ революціонное настроеніе массы, онъ въ лучшемъ случаѣ останется непонятымъ, а можетъ быть его осмѣютъ, даже изобьютъ. Если же, наоборотъ, онъ, по излишней осторожности, выставитъ передъ массой такія требованія, которыя она уже переросла въ своемъ быстромъ революціонномъ развитіи, онъ попадетъ въ нелѣпое положеніе агитатора-тормаза, агитатора, внушающаго толпѣ „умѣренность и аккуратность". Въ умѣньи избѣжать подобныхъ крайностей заключается вся ловкость агитатора".

Какъ видитъ читатель, я не принадлежу къ числу людей, одобряющихъ и рекомендующихъ агитацію по неждановскому методу („впередъ! умремъ за свободу!" и т. д.). Но ни я, ни Аксельродъ и никто изъ моихъ ближайшихъ друзей и товарищей никогда не могли понять пристрастія „экономическихъ товарищей" къ *агитаціи, заботливо очищенной отъ всякой политической примѣси.* Не могли мы понять и того противопоставленія агитаціи пропагандѣ, которое такъ любятъ г. N. N. и вполнѣ согласный съ нимъ г. Г., одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д."

Я всегда думалъ, что разница между пропагандой и агитаціей заключается въ томъ, что

„пропагандистъ даетъ много идей одному лицу или нѣсколькимъ лицамъ, а агитаторъ даетъ только одну или только нѣсколько идей, но за то даетъ ихъ цѣлой массѣ лицъ, иногда чуть не цѣлому населенію данной мѣстности"*).

Какъ ни велика эта разница, она нисколько не мѣшаетъ нашимъ агитаторамъ *теперь же* распространять въ массѣ *политическія идеи*.

Что агитація должна опираться на ближайшія экономическія нужды рабочаго класса, это справедливо, но совсѣмъ не ново. Это извѣстно было еще бунтарямъ-народникамъ. Брошюра „Русскій рабочій въ революціонномъ движеніи" написана была мною съ цѣлью *напомнить* молодымъ русскимъ соціальдемократамъ о пріемахъ агитаціи на экономической почвѣ, выработанныхъ практикой народническаго періода нашего движенія. Мы возстаемъ не противъ *агитаціи* на экономической почвѣ, *а противъ тѣхъ агитаторовъ, которые не умѣютъ воспользоваться экономическими столкновеніями рабочихъ съ предпринимателями для развитія политическаго сознанія производителей.*

Аксельродъ сказалъ въ своей брошюрѣ „О задачахъ и тактикѣ русскихъ соціальдемократовъ", что программа группы „О. Т." явилась отвѣтомъ на вопросъ, *откуда взять силы для возобновленія борьбы съ самодержавіемъ*, и *какъ вести эту борьбу съ наибольшими шансами на успѣхъ.* По этому поводу г. N. N., вполнѣ согласный съ г. Г., однимъ изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д.",

*) О Задачахъ Соціалистовъ и т. д. стр. 58.

инсинуируетъ, что центръ тяжести нашей программы лежитъ внѣ интересовъ рабочаго класса. Эта инсинуація имѣла нѣкоторый успѣхъ между людьми не сильными въ дѣлѣ мышленія и мало знакомыми съ нашей соціалистической литературой. До сихъ поръ нерѣдко встрѣчаются простячки, утверждающіе со словъ г. N. N. и вполнѣ согласнаго съ нимъ г. Г., одного изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д.", что мы смотрѣли на пролетаріатъ какъ на орудіе для достиженія революціонной интеллигенціей ея собственныхъ, чуждыхъ рабочимъ, цѣлей. Это вынуждаетъ меня къ нѣкоторому объясненію.

Аксельродъ правъ. Когда мы писали свою программу, мы хотѣли указать нашимъ революціонерамъ, только что пережившимъ рѣшительныя пораженія, тотъ путь, который одинъ только и можетъ привести ихъ къ побѣдѣ. Мы остались вѣрны славнымъ традиціямъ нашего революціоннаго движенія. Мы гордимся этимъ и всегда будемъ гордиться, какъ бы ни раздражало это ограниченныхъ педантовъ и политическихъ кастратовъ, софистицированныхъ марксизмомъ.

Мы указывали нашимъ революціонерамъ на рабочій классъ, какъ на единственную силу, способную повалить царизмъ.

„Русское революціонное движеніе восторжествуетъ какъ *движеніе рабочихъ*, или совсѣмъ не восторжествуетъ",

сказалъ я на парижскомъ международномъ соціалистическомъ конгрессѣ 1889 года. Мы всегда старались оттѣнить революціонную миссію пролетаріата въ Россіи. Мы гордимся этимъ и всегда будемъ гордиться, какъ бы ни упрекали насъ за это политическіе кастраты и ограниченные педанты.

Но въ нашихъ глазахъ рабочій никогда не былъ простымъ орудіемъ достиженія чуждыхъ ему цѣлей. Это клевета, выдуманная въ разсчетѣ на то, что всегда найдутся невѣжественные и неразвитые люди, способные ей повѣрить. Наша программа написана *въ духѣ Маркса.* А программа, написанная въ духѣ *этого* человѣка *не можетъ быть программой политическихъ эксплуататоровъ.*

Первымъ изданіемъ нашей группы была моя брошюра „Соціализмъ и политическая борьба", въ которой я, опровергая народническіе предразсудки противъ „политики", доказываю въ то же время, что политическая борьба русскихъ революціонеровъ должна быть классовой борьбой пролетаріата. Со времени выхода этой брошюры ни одинъ изъ членовъ нашей группы не написалъ, можно сказать, ни одной статейки, гдѣ прямо или косвенно не проводилась бы та же самая мысль. Въ „Нашихъ Разногласіяхъ" я беру быка за рога и прямо спрашиваю, — что для чего „важно": *рабочіе для революціи, или революція для рабочихъ?**) Нужно-ли напоминать, въ какомъ смыслѣ я отвѣчалъ на этотъ вопросъ? Я доказывалъ, что рабочій „*долженъ самъ сдѣлать свою революцію*"**). *Такъ-ли* говорятъ люди, смотрящіе на рабочихъ, какъ на пушечное мясо? И *то-ли* говорятъ эти люди?

„*Критическіе*" пріемы г. N. N. лучше всего характеризуется слѣдующей его продѣлкой. Въ 4-ой книжкѣ нашего „Соціальдемократа" напечатана статья П. Аксельрода: „Политическая роль соціальной демократіи и

*) Наши Разногласія, Женева 1885, стр. 251.
**) Ibid. стр. 252.

послѣдніе выборы въ германскій рейхстагъ". Опровергая разные упреки, которые сыпались на нашихъ нѣмецкихъ товарищей, П. Аксельродъ касается также упрека въ томъ, что они старательно и сознательно избѣгаютъ теперь открытыхъ столкновеній съ правительствомъ. Этотъ упрекъ всегда производилъ очень сильное впечатлѣніе на русскую революціонную „интеллигенцію". Поэтому П. Аксельродъ счелъ нужнымъ напомнить своему читателю, что политическій строй Германіи, *сознательно поддерживаемый* огромной частью населенія, гораздо устойчивѣе *русскаго* политическаго режима, опирающагося главнымъ образомъ на политическую пассивность русскаго народа, и что, поэтому, тактика полезная и необходимая въ Россіи, оказалась-бы неумѣстной и вредной въ Германіи. Г. N. N. выхватываетъ *одну фразу изъ одного примѣчанія въ статьѣ* П. Аксельрода и, на основаніи ея, доказываетъ, что П. Аксельродъ хочетъ повалить русскій царизмъ съ помощью военнаго нападенія. Чтобы оттѣнить свою „трезвенность", г. N. N. утверждаетъ, — будто бы вопреки Аксельроду, — что

„рабочее движеніе есть движеніе массовое, не укладывающееся въ рамки комплота или заговора" (см. ниже, Документы, стр. 53, примѣчаніе).

Господинъ N. N., разумѣется, не могъ серьезно думать, что это неизвѣстно группѣ „Освобожденіе Труда". Но онъ разсчитывалъ на простачковъ. И его разсчетъ оправдался. Простачки въ самомъ дѣлѣ повѣрили тому, что г. N. N. говоритъ „новое слово" Къ числу ихъ принадлежалъ и г. Г., одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С.-Д."

Между тѣмъ какъ „экономическіе" товарищи обви-

няли нашу группу въ подобныхъ „несодѣянностяхъ“, мы боролись съ г. N. N. и его единомышленниками между прочимъ и потому, что видѣли въ нихъ людей, которые рано или поздно придутъ — если только не откажутся отъ своихъ „экономическихъ“ посылокъ—ко взгляду на рабочаго, какъ на простое орудіе для достиженія цѣлей либеральной буржуазіи. Наше предвидѣніе оправдалось ранѣе, чѣмъ мы могли этого ожидать.

Авторы „credo“ рекомендуютъ рабочему классу одну только *экономическую* борьбу, говоря, что борьба *политическая* невозможна для него при русскихъ условіяхъ, и что

„разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву“*).

Въ то же время и тѣ же самые господа рекомендуютъ русскимъ марксистамъ участіе въ

„радикально или либерально оппозиціонной дѣятельности всѣхъ другихъ, не рабочихъ слоевъ общества“**).

При *отсутствіи самостоятельной политической рабочей партіи такое „участіе“ по необходимости превратилось бы въ простое сліяніе съ радикальной или либеральной буржуазіей.*

Радикальные и либеральные буржуа западной Европы давно уже твердятъ о томъ, что рабочимъ нѣтъ никакой надобности сплачиваться въ особую политическую партію: это первый членъ символа вѣры препод-

*) См. ниже документы, стр. 4—5.
**) Тамъ же, стр. 5.

носимаго рабочимъ радикальной и либеральной буржуазіей. Но стремленіе навязать рабочимъ этотъ символъ вѣры означаетъ лишь *желаніе буржуазіи эксплуатировать рабочихъ въ политикѣ*. Такимъ образомъ появленіе „credo“ есть не болѣе, какъ попытка „*переноса на нашу почву*“ той проповѣди, съ помощью которой радикальная и либеральная буржуазія Запада стремилась сдѣлать изъ рабочихъ послушное ей политическое орудіе. А вѣдь авторы „credo“ не говорятъ ничего новаго по существу. Они только развиваютъ и доводятъ до ихъ крайнихъ послѣдствій тѣ мысли, которыя защищали г. N. N. въ брошюрѣ, направленной противъ группы „О. Т.“ и г. Г., одинъ изъ нынѣшнихъ столповъ „С. Р. С. Д“., въ своихъ письмахъ.

Къ чести г. Г. надо замѣтить, однако, что онъ иногда плохо понималъ своего учителя, г. N. N. Поэтому онъ иногда ему противорѣчилъ, самъ того не замѣчая. Вотъ, напримѣръ, по мнѣнію г. N. N. „революціонная бацилла“ не должна, въ своей агитаціи, касаться политическихъ вопросовъ до тѣхъ поръ, пока эти вопросы не возникнутъ у рабочихъ „самопроизвольно“. Господинъ Г. разсуждаетъ не такъ, хотя и думаетъ при этомъ, что онъ „*вполнѣ согласенъ*“ съ г. N. N. Въ одномъ изъ своихъ писемъ г. Г. говоритъ, что мы должны пробуждать сознаніе массы, организуя ее и выдвигая самые близкіе ей вопросы*). Это было бы совсѣмъ разумно, если бы это не стояло на той же самой страницѣ, на которой мы читаемъ, что нелѣпо толковать въ Россіи объ уничтоженіи капитализма и о соціализмѣ. Очевидно, г. Г. *не понимаетъ, что соціа-*

*) Документы, стр. 32.

листъ не можетъ будить сознаніе рабочаго класса, не затрогивая, прямо или косвенно, вопроса объ уничтоженіи капитализма и о политической самодѣятельности рабочаго класса. Господинъ г. сознаетъ, что мы, соціальдемократы, должны, при воздѣйствіи на массу, поступать осторожно и систематично. Но это сознаніе остается у него очень смутнымъ и потому приводитъ его къ нелѣпымъ выводамъ. У него оказывается, что *соціальдемократъ*, желающій поступать систематично и осторожно, долженъ превратиться въ *буржуа*, чуждаго всякой мысли объ устраненіи капитализма. Это очень печальный выводъ*).

Но довольно объ этомъ. Печатаемые нами документы не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что въ 1898 году въ средѣ „молодыхъ“ членовъ „Союза русскихъ соціальдемократовъ“, господствовало „экономическое“ направленіе**). Редакція „Рабочаго Дѣла“ говоритъ, что она „не знаетъ“ объ этомъ. Одно изъ двухъ: она говоритъ—или правду, или неправду. Если

*) Мимоходное замѣчаніе. Читатель увидитъ, что письма г. Г. написаны чрезвычайно неправильнымъ языкомъ: въ его предложеніяхъ часто не достаетъ самыхъ существенныхъ частей рѣчи. Мы не считали себя въ правѣ улучшать слогъ г. Г. Поэтому пусть читатель не относитъ на счетъ *корректора* то, въ чемъ виноватъ *авторъ*.

**) Употребляя это выраженіе, я очень хорошо понимаю всю его неправильность. Критикуемое мною направленіе можетъ быть названо *экономическимъ* развѣ лишь въ томъ смыслѣ, въ какомъ говорятъ объ „*экономическихъ путешествіяхъ*“ (voyages économiques) и объ „*экономической кухнѣ*“ (cuisine économique). Эпитетъ—*экономическій* равнозначущъ здѣсь съ эпитетомъ *дешевый*, *не дорого стоющій*. Но въ политической печати не всегда можно требовать точной терминологіи: въ ней всегда приходится дѣлать уступки обыденному жаргону.

она говоритъ *правду*, то чего можно ожидать отъ редакціи, такъ плохо знающей положеніе дѣлъ въ своей собственной партіи? А если она говоритъ *неправду*, то это совсѣмъ уже плохой знакъ, показывающій, что она поставила себѣ цѣлью *скрывать* отъ своихъ читателей истинное положеніе дѣлъ и увѣрять ихъ въ томъ, что „*все обстоитъ благополучно*“. Если-бы такую задачу поставилъ себѣ органъ какого нибудь русскаго министерства, то мы совсѣмъ не удивились бы этому: правда, возвѣщаемая нашими казенными органами, есть совсѣмъ особенная, „*оффиціальная правда*“. Но зачѣмъ понадобилась такая „*правда*“ органу, именующему себя „*Рабочимъ Дѣломъ*“?

Возвращаюсь къ положенію дѣлъ въ 1898 г. „Экономическое“ направленіе свирѣпствовало среди „молодыхъ“, какъ зараза. Каррикатуры, рисуемыя на марксистовъ г. г. Михайловскимъ, Карѣевымъ, Кривенкомъ и другими, облекались плотью и фигурировали передъ нами въ роли глашатаевъ „*послѣдняго слова русской соціальдемократической тактики*“. Всѣ сношенія съ Россіей вела тогда та ...ская группа, о которой говорится въ первомъ изъ напечатанныхъ въ нашемъ сборникѣ писемъ, и которая цѣликомъ состояла изъ „экономистовъ“. Она увѣряла насъ, что товарищи, дѣйствующіе въ Россіи, вполнѣ раздѣляютъ ея образъ мыслей. Этому противорѣчилъ манифестъ Россійской партіи. Но невѣроятно тяжелыя условія дѣятельности въ Россіи ведутъ за собою чрезвычайно частую смѣну дѣятелей. Чтобы уяснить себѣ, какое направленіе тамъ преобладаетъ и чего хотятъ отъ нашихъ изданій наши товарищи въ Россіи, мы послали въ Петербургъ изложеніе нашихъ споровъ съ „молодыми“. Намъ отвѣтили лако-

ническимъ совѣтомъ дать нѣкоторый просторъ новымъ силамъ*). Тогда мы попробовали вести дѣло изданій „Листка Работника“ совмѣстно съ нѣкоторыми представителями „экономическаго“ направленія. Какъ и слѣдовало ожидать, эта попытка кончилась полнѣйшей неудачей. Что было дѣлать? Оставалось совсѣмъ выйти изъ редакціи. Такъ мы и поступили въ ноябрѣ 1898 года.

Совѣтъ — „дать нѣкоторый просторъ молодымъ силамъ“, полученный нами изъ Петербурга, показываетъ, что наши товарищи въ Россіи не имѣли правильнаго понятія о нашемъ отношеніи къ „молодомъ“ заграничнымъ товарищамъ. Эти послѣдніе не переставали жаловаться на то, что мы мѣшаемъ имъ работать сообразно ихъ убѣжденіямъ. Но ихъ жалобы были совершенно неосновательны. Какимъ образомъ могли бы мы стѣснять дѣятельность молодыхъ товарищей? Только однимъ путемъ: путемъ устраненія ихъ отъ редактированія заграничныхъ социальдемократическихъ изданій. Но мы не только не хотѣли устранять ихъ отъ этого, а напротивъ, не разъ и давно уже выражали имъ свое намѣреніе отказаться отъ редактированія „Работника“. Это доказывается слѣдующими строками:

„Относительно редакціи ...скіе товарищи высказались категорически противъ всякихъ перемѣнъ, такъ какъ не могутъ представить себѣ, кто бы могъ въ настоящее время замѣнить членовъ группы „Освобожденіе Труда“. . . . Можно было бы расширить кругъ Вашихъ помощниковъ, которые подъ Вашимъ руководствомъ могли бы избавлять Васъ отъ массы черновой работы и

*) Впослѣдствіи, уже послѣ нашего выхода изъ редакціи, петербургскіе товарищи сообщили намъ, что *интеллигенціи* они согласны проповѣдывать политическую борьбу, *рабочимъ*-же будутъ говорить лишь о прибавкѣ „*копѣйки на рубль*“.

въ то же время ближе присматриваться къ самому дѣлу, но и только. Руководство все же должно оставаться Ваше, пока у Васъ будетъ хватать силъ на всю эту изнуряющую и утомительную работу“.

Эти строки взяты мною изъ письма г. М. М., которому П. Аксельродъ предлагалъ отъ имени группы „О. Т.“ списаться съ русскими товарищами относительно назначенія новой редакціи для „Листка Работника“*).

Къ числу товарищей, категорически высказавшихся противъ всякихъ перемѣнъ въ этой области, принадлежали г. N. N., впослѣдствіи авторъ брошюры противъ группы „О. Т.“ и г. Г., „вполнѣ“ съ нимъ „согласный“. Г. N. N. до такой степени не желалъ никакихъ перемѣнъ въ редакціи, что нашелъ нужнымъ съ своей стороны написать П. Аксельроду:

„Мы рѣшительно высказываемся противъ перемѣны редакціи по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, среди молодыхъ товарищей нѣтъ ни одного опытнаго литератора, ни одного человѣка съ литературнымъ именемъ. Мы думаемъ, что ни одинъ уважающій себя человѣкъ не согласится стать редакторомъ на томъ основаніи, что ему пришлось на его вѣку написать 1—2 статейки. Во-вторыхъ, среди молодыхъ товарищей нѣтъ ни одного, достаточно знакомаго съ Россіей. Молодо-зелено“...

Группа „Осв. Тр.“ взяла назадъ свое предложеніе о выборѣ новой редакціи *единственно въ виду этихъ настояній ...ской группы*. Это было извѣстно г. Г. и другимъ „молодымъ“ товарищамъ. *Теперь эти самые товарищи утверждаютъ, что ихъ распря съ группой „О. Т.“ вызвана была не програмными разногласіями, а тѣмъ, что эта*

*) Письмо помѣчено: ....7. 98. По содержанію его видно, что оно написано въ февралѣ или въ мартѣ 1898 года. Госп. М. М. — авторъ перваго изъ писемъ, напечатанныхъ въ нашемъ сборникѣ.

группа не соглашалась ни на какія перемѣны въ редакціи. Такова ихъ „оффиціальная правда".)*

Отказавшись отъ исполненія редакторскихъ обязанностей, мы вскорѣ съ удивленіемъ увидѣли странное зрѣлище и услышали странныя рѣчи. Тѣ самые люди, которые говорили о „*новой*" тактикѣ и о *несвоевременности политической агитаціи*, стали выдавать себя за убѣжденныхъ сторонниковъ „политики", а г. Г. пустился убѣждать не только чуждыхъ дѣлу людей, но и насъ самихъ, что никакихъ разногласій съ нами у него никогда не было. Я надѣюсь, что нашъ сборникъ дастъ живительный толчокъ его памяти.

Созерцая эту внезапную метаморфозу, мы могли объяснить ее себѣ только тѣмъ, что „молодые товарищи" сами увидѣли, какихъ пустяковъ наговорили они въ 1898 году, проповѣдуя свое „новое слово", и устыдились своихъ пустыхъ рѣчей. Намъ невольно вспоминались слова дѣдушки Крылова:

> О дѣти, какъ опасны ваши лѣта!
> Мышенокъ, не видавшій свѣта,
> Попалъ было въ бѣду.

Но если бѣда и миновала нашего мышенка; если „молодые товарищи" сознали свои заблужденія и не пошли за своимъ учителемъ N. N., который — логически продолжая свое развитіе, — пришелъ къ воззрѣніямъ, какъ двѣ капли воды похожимъ на „credo", то ихъ, надѣюсь, чистосердечное раскаяніе далеко еще не устранило путаницы понятій и отношеній, причиненной ихъ ребяческимъ фрондерствомъ*). Теперь у насъ есть троякаго рода изданія:

1) Изданія группы „Освобожденіе Труда", продолжающей твердо держаться своего прежняго направленія.

2) Изданія редакціи „Рабочаго Дѣла", которая, — какъ это видно изъ ея програмной статьи, напечатанной въ первомъ номерѣ ея журнала, и изъ нѣкоторыхъ другихъ ея заявленій—склоняется къ *эклектизму*, тщетно стараясь примирить Карла Маркса съ г. В. И—мъ, однимъ изъ соредакторовъ. *Не далѣе, какъ въ ноябрѣ 1899* года г. В. — И нъ читалъ въ Женевѣ рефератъ, въ которомъ онъ говорилъ о существованіи въ нашей партіи двухъ направленій и о томъ, что самъ онъ, г. В. И—нъ, принадлежитъ къ экономическому направленію. А редакція „Рабочаго Дѣла", къ которой принадлежитъ г. В. И—нъ, ничего „не знаетъ". Поди пойми эту „*хитрую механику*"!

3) Изданія „Рабочей Мысли", гдѣ уже нѣтъ рѣчи ни о какомъ примиреніи, и гдѣ, напротивъ, экономическое направленіе г. Г. и его единомышленниковъ расцвѣло во всей своей красѣ и славѣ**). И все это — „*товарищи*"! И все это — *соціальдемократы*! Это-ли не анархія? Это-ли не хаосъ? Это-ли не позоръ?

Теперь самъ г. Г. отрекается отъ „экономическаго"

---

*) Письма, цитируемыя здѣсь мною, находятся у П. Аксельрода и, въ случаѣ надобности, могутъ быть воспроизведены цѣликомъ.

*) При томъ же раскаяніе должно сопровождаться открытымъ признаніемъ своихъ ошибокъ, а наши нѣкогда „экономическіе" товарищи совсѣмъ не склонны къ такому признанію. Нельзя не пожалѣть объ этомъ.

**) „Рабочее Дѣло" полемизируетъ съ „Рабочей Мыслью". Но это не мѣшаетъ ему испытывать на себѣ ея вліяніе. Такъ, напримѣръ, главная мысль статьи г. Кричевскаго о Чернышевскомъ (№ 4 „Рабочаго Дѣла") очевидно заимствована изъ статьи о томъ же писателѣ, напечатанной въ „Рабочей Мысли".

направленія, подобно тому, какъ Петръ отрекся отъ Іисуса. Нѣкоторые пожалуй даже похвалятъ его за это. Но я спрашиваю, много-ли дѣльнаго могутъ сказать о „политикѣ“ г. Г. и его единомышленники, еще такъ недавно утверждавшіе, что

„утопично и ребячество ставить въ нашу программу обобществленіе орудій труда“?

И я боюсь, что проповѣдь ими *политической* борьбы приведетъ къ точно такой же путаницѣ понятій, къ какой привела уже проповѣдь ими борьбы на *экономической* почвѣ. Дѣло не въ томъ, за какое именно направленіе стоитъ г. Г., а въ томъ, что у насъ есть много людей, называющихъ себя соціальдемократами и не усвоившихъ себѣ *даже азбуки современнаго соціализма.* Этимъ и объясняется господствующая у насъ теперь „неразбериха“, благодаря которой скоро можно будетъ съ увѣренностью сказать, что тамъ, гдѣ встрѣтятся два русскихъ соціальдемократа, навѣрное окажется три соціальдемократическихъ партіи. Признаюсь, я никогда не думалъ, что мнѣ суждено пережить такой стыдъ!

Намъ надо выйти изъ этого хаотическаго и позорнаго положенія во что бы то ни стало. Горе партіи, терпѣливо переносящей подобную путаницу!

Чтобы выйти изъ того или другого непріятнаго положенія, надо прежде всего *внимательно изучить его причины.* Я надѣюсь, что предлагаемый сборникъ будетъ очень полезенъ всѣмъ тѣмъ, которые хотятъ изучить наше положеніе. Но, какъ уже замѣчено, я счелъ справедливымъ посвятить его редакціи „Рабочаго Дѣла“, такъ какъ именно она побудила насъ къ его опубликованію.

ПРОТЕСТЪ.

Собраніе соціальдемократовъ одной мѣстности, въ числѣ 17 человѣкъ, приняло единогласно слѣдующую резолюцію и постановило опубликовать ее и передать на обсужденіе всѣмъ товарищамъ:

Въ послѣднее время среди русскихъ соціальдемократовъ замѣчаются отступленія отъ тѣхъ основныхъ принциповъ русской соціальдемократіи, которые были провозглашены какъ ея основателями и передовыми борцами, — членами группы Освобожденія Труда, такъ и соціальдемократическими изданіями русскихъ рабочихъ организацій 90-хъ годовъ. Нижеприводимое „credo“, долженствующее выражать основные взгляды нѣкоторыхъ (такъ называемыхъ „молодыхъ“) русскихъ соціальдемократовъ, представляетъ изъ себя попытку систематическаго и опредѣленнаго изложенія „новыхъ“ воззрѣній. Вотъ это „credo“ въ полномъ видѣ:

Существованіе цехового и мануфактурнаго періода на западѣ положило рѣзкій слѣдъ на всю послѣдующую исторію, въ осо-

бенности на исторію соціальдемократіи. Необходимость для буржуазіи завоевать свободныя формы, стремленіе освободиться отъ сковывающихъ производство цеховыхъ регламентацій сдѣлали буржуазію революціоннымъ элементомъ; она повсюду на западѣ начинаетъ съ liberté, égalité, fraternité, съ завоеванія свободныхъ политическихъ формъ. Но этимъ завоеваніемъ она, по выраженію Бисмарка, выдавала вексель на будущее своему антиподу — рабочему классу. Почти повсюду на западѣ рабочій классъ не завоевывалъ демократическихъ учрежденій: онъ ими пользовался. Намъ могутъ возразить, что онъ участвовалъ въ революціяхъ. Историческія справки опровергаютъ это мнѣніе, такъ именно въ 1848 г. ,когда произошло на западѣ упроченіе конституцій, рабочій классъ представлялъ изъ себя ремесленно городской элементъ, мѣщанскую демократію, фабричный же пролетаріатъ почти не существовалъ, а пролетаріатъ крупнаго производства (ткачи Германіи—Гауптманъ—ткачи Ліона) представлялъ изъ себя дикую массу, способную лишь къ бунтамъ, но отнюдь не къ выставленію какихъ-либо политическихъ требованій. Можно прямо сказать, что конституціи 1848 г. были завоеваны буржуазіей и мелкимъ мѣщанствомъ, артизанами. Съ другой стороны, рабочій классъ (артизаны и рабочіе мануфактуръ, типографщики, ткачи, часовыхъ дѣлъ мастера и проч.) съ среднихъ вѣковъ еще привыкъ участвовать въ организаціяхъ — въ кассахъ взаимопомощи, религіозныхъ обществахъ и пр. Этотъ организаціонный духъ до сихъ поръ еще живетъ у обученныхъ рабочихъ запада и рѣзко отличаетъ ихъ отъ фабричнаго пролетаріата, плохо и медленно поддающагося организаціи и способнаго лишь къ такъ называемому lose organisation, а не къ прочнымъ организаціямъ съ уставами и регламентами. Эти-же мануфактурно обученные рабочіе составили ядро соціальдемократическихъ партій. Такимъ образомъ получилась слѣдующая картина: сравнительная легкость и полная возможность политической борьбы съ одной стороны, съ другой — возможность планомѣрной организаціи этой борьбы съ помощью воспитанныхъ мануфактурнымъ періодомъ рабочихъ. На этой почвѣ выросъ на западѣ теоретическій и практическій марксизмъ. Исходной его точкой явилась парламентская политическая борьба съ перспективой (только по внѣшности сходной съ бланкизмомъ, по происхожденію совершенно другого характера) захвата власти, съ одной стороны, Zusammenbruch'a — съ другой. Марксизмъ явился теоретическимъ выраженіемъ господствующей

практики: политической борьбы, превалирующей надъ экономической. И въ Бельгіи, и во Франціи, особенно въ Германіи рабочіе съ невѣроятной легкостью организовали политическую борьбу и съ страшнымъ трудомъ, съ огромнымъ треніемъ — экономическую. И до сихъ поръ экономическія организаціи по сравненію съ политическими (не касаюсь Англіи) страдаютъ необычайной слабостью и неустойчивостью и повсюду laissent à desirer quelque chose. Пока энергія въ политической борьбѣ не была вся исчерпана, — Zusammenbruch являлся необходимымъ организующимъ Schlagwort'омъ, которому суждено было сыграть огромную историческую роль. Основной законъ, который можно вывести при изученіи рабочаго движенія—линія наименьшаго сопротивленія. На западѣ такой линіей являлась политическая дѣятельность и марксизмъ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ формулированъ въ Коммунистическомъ Манифестѣ, являлся какъ нельзя болѣе удачной формой, въ которую должно было вылиться движеніе. Но когда въ политической дѣятельности была исчерпана вся энергія, когда политическое движеніе дошло до такой напряженности, дальше которой вести его было трудно и почти невозможно (медленный ростъ голосовъ за послѣднее время, апатія публики на собраніяхъ, унылый тонъ литературы), съ другой стороны безсиліе парламентской дѣятельности и выступленіе на арену черной массы — неорганизованнаго и почти не поддающагося организаціи фабричнаго пролетаріата — создали на западѣ то, что носитъ теперь названіе бернштеніады, кризиса марксизма. Болѣе логическаго хода вещей, чѣмъ періодъ развитія рабочаго движенія отъ Коммунистическаго Манифеста до бернштеніады трудно себѣ представить, и внимательное наблюденіе всего этого процесса можетъ съ точностью астронома опредѣлить исходъ этого „кризиса". Рѣчь идетъ здѣсь, конечно, не о пораженіи или побѣдѣ бернштеніады — это мало интересно, рѣчь идетъ о коренномъ измѣненіи практической дѣятельности, которое уже давно понемногу совершается въ нѣдрахъ партіи. Измѣненіе это произойдетъ не только въ сторону болѣе энергичнаго веденія экономической борьбы, упроченія экономическихъ организацій, но главное, и это самое существенное, въ сторону измѣненія отношенія партіи къ остальнымъ оппозиціоннымъ партіямъ. Марксизмъ нетерпимый, марксизмъ отрицающій, марксизмъ примитивный (пользующійся слишкомъ схематичнымъ представленіемъ классового дѣленія общества) уступитъ мѣсто марксизму

демократическому, и общественное положеніе партіи въ нѣдрахъ современнаго общества должно рѣзко измѣниться. Партія *признаетъ* общество, ея узко-корпоративныя, въ большинствѣ случаевъ, сектантскія задачи расширяются до задачъ общественныхъ и ея стремленіе къ захвату власти преобразуется въ стремленіе къ измѣненію, къ реформированію современнаго общества въ демократическомъ направленіи приспособительно къ современному положенію вещей съ цѣлью наиболѣе удачной, наиболѣе полной защиты правъ (всяческихъ) трудящихся классовъ. Содержаніе понятія „политика“ расширится до истинно общественнаго значенія, и практическія требованія минуты получатъ больше вѣса, могутъ разсчитывать на большее вниманіе партіи, чѣмъ это было до сихъ поръ. Не трудно изъ этого краткаго описанія хода развитія рабочаго движенія на западѣ сдѣлать выводъ для Россіи. Линія наименьшаго сопротивленія у насъ никогда не будетъ направлена въ сторону политической дѣятельности. Невозможный политическій гнетъ заставитъ много говорить о немъ, именно на этомъ вопросѣ сосредоточивать вниманіе, но никогда не заставитъ онъ практически дѣйствовать. Если на западѣ слабыя силы рабочихъ, будучи вовлечены въ политическую дѣятельность, окрѣпли на ней и сформировались, у насъ — слабыя силы эти, наоборотъ, стоятъ передъ стѣной политическаго гнета и не только не имѣютъ практическихъ путей для борьбы съ нимъ, а, слѣдовательно, и для своего развитія, но даже систематически душатся ими и не могутъ пускать даже слабыхъ ростковъ. Если прибавить къ этому, что рабочій классъ нашъ не получилъ въ наслѣдіе того организаціоннаго духа, какимъ отличались борцы запада—то картина получится удручающая и способная повергнуть въ уныніе самого оптимистическаго марксиста, вѣрящаго въ то, что лишняя фабричная труба, уже однимъ фактомъ своего существованія, несетъ великое благополучіе. Трудна, безконечно трудна и экономическая борьба, но она возможна, она наконецъ практикуется самими массами. Пріучаясь въ этой борьбѣ къ организаціи и поминутно наталкиваясь въ ней на политическій режимъ, русскій рабочій создастъ наконецъ то, что можно назвать формой рабочаго движенія, создастъ ту или тѣ организаціи, которыя наиболѣе подходятъ къ условіямъ русской дѣйствительности. Въ настоящее время можно съ увѣренностью сказать, что русское рабочее движеніе находится еще въ амебовидномъ состояніи и никакой формы не создало. Стачечное движеніе, существуя при всякой

формѣ организаціи, не можетъ еще быть названо кристализованной формой русскаго движенія, а нелегальныя организаціи уже чисто съ количественной точки зрѣнія не заслуживаютъ вниманія (не говорю о ихъ полезности при настоящихъ условіяхъ). Вотъ положеніе. Если прибавить сюда еще голодухи и процессъ разоренія деревни, способствующій Streikbrecher'ству и, слѣдовательно, еще большую трудность подъема рабочихъ массъ на болѣе сносный культурный уровень, то. . . . Что же тутъ дѣлать русскому марксисту? Разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву. Русскій марксизмъ пока печальное зрѣлище. Его практическія задачи въ настоящемъ мизерны, его теоретическія познанія, поскольку онъ пользуется ими *не какъ орудіемъ изслѣдованія*, а какъ схемой дѣятельности — не имѣютъ цѣны для выполненія даже этихъ мизерныхъ практическихъ задачъ. Кромѣ того эти схемы, взятыя съ чужого плеча, въ смыслѣ практики являются вредными. Забывъ, что на западѣ рабочій классъ выступилъ уже на расчищенное политическое поле дѣятельности, наши марксисты болѣе, чѣмъ это нужно, относятся съ презрѣніемъ къ радикально или либерально оппозиціонной дѣятельности всѣхъ другихъ не рабочихъ слоевъ общества. Малѣйшая попытка сосредоточить вниманіе на общественныхъ проявленіяхъ либерально политичаскаго свойства вызываетъ протестъ ортодоксальныхъ марксистовъ, забывающихъ, что цѣлый рядъ историческихъ условій мѣшаетъ намъ быть марксистами запада и требуетъ отъ насъ иного марксизма, умѣстнаго и нужнаго въ русскихъ условіяхъ. Отсутствіе у каждаго русскаго гражданина политическаго чувства и чутья не можетъ, очевидно, быть искуплено разговорами о политикѣ или воззваніями къ несуществующей силѣ. Это политическое чутье можетъ быть дано лишь воспитаніемъ, т. е. участіемъ въ той жизни, какъ бы она не была немарксистична, которую предлагаетъ русская дѣйствительность. На сколько „отрицаніе“ было умѣстно (временно) на западѣ, на столько у насъ оно вредно, потому что отрицаніе, исходящее отъ чего-то организованнаго и имѣющаго фактическую силу — одно, а отрицаніе, исходящее изъ безформенной массы разрозненныхъ личностей — другое. Для русскаго марксиста исходъ одинъ: участіе т. е. помощь экономической борьбѣ пролетаріата и участіе въ либерально-оппозиціонной дѣятельности. Какъ „отрицатель“ русскій марксистъ пришелъ очень рано, а это от-

рицаніе ослабило въ немъ ту долю энергіи, которая должна направляться въ сторону политическаго радикализма. Пока все это не страшно, но если классовая схема помѣшаетъ дѣятельному участію русскаго интеллигента въ жизни и отодвинетъ его слишкомъ далеко отъ оппозиціонныхъ круговъ — это будетъ существенный ущербъ для всѣхъ, кто вынужденъ бороться за правовыя формы не объ руку съ рабочимъ классомъ, еще не выдвинувшимъ политическихъ задачъ. Политическая невинность русскаго марксиста-интеллигента, скрытая за головными разсужденіями на политическія темы, можетъ сыграть съ нимъ скверную штуку.

Мы не знаемъ, много-ли найдется русскихъ соціальдемократовъ, раздѣляющихъ эти воззрѣнія. Но несомнѣнно, что вообще идеи этого рода имѣютъ сторонниковъ и потому мы считаемъ себя обязанными категорически протестовать противъ подобныхъ воззрѣній и предостеречь всѣхъ товарищей отъ грозящаго совращенія русской соціальдемократіи съ намѣченнаго уже ею пути, именно: образованія самостоятельной политической рабочей партіи, неотдѣлимой отъ классовой борьбы пролетаріата и ставящей своей ближайшей задачей завоеваніе политической свободы.

Выше приведенное „credo" представляетъ изъ себя, во первыхъ, „краткое описаніе хода развитія рабочаго движенія на западѣ", и, во вторыхъ, „выводы для Россіи".

Совершенно невѣрны, прежде всего, представленія авторовъ „credo" о прошломъ западноевропейскаго рабочаго движенія. Невѣрно, что рабочій классъ на западѣ не участвовалъ въ борьбѣ за политическую свободу и въ политическихъ революціяхъ. Исторія чартизма, революціи 1848-го года во Франціи, Германіи, Австріи доказываютъ обратное. Совершенно невѣрно, что „марксизмъ явился теоретическимъ выраженіемъ

господствующей практики: политической борьбы, превалирующей надъ экономической". Напротивъ „марксизмъ" появился тогда, когда господствовалъ соціализмъ не-политическій (оуэнизмъ, фурьеризмъ, истинный соціализмъ и проч.), и „Коммунистическій Манифестъ" сразу выступилъ противъ неполитическаго соціализма. Даже тогда, когда марксизмъ выступилъ во всеоружіи теоріи („Капитала") и организовалъ знаменитое „Международное Общество Рабочихъ", политическая борьба отнюдь не была господствующей практикой (узкій трэдъ-юніонизмъ въ Англіи, анархизмъ и прудонизмъ въ романскихъ странахъ). Въ Германіи великая историческая заслуга Лассаля состояла въ томъ, что онъ превратилъ рабочій классъ изъ хвоста либеральной буржуазіи въ самостоятельную политическую партію. Марксизмъ связалъ въ одно неразрывное цѣлое экономическую и политическую борьбу рабочаго класса, и стремленіе авторовъ „credo" отдѣлить эти формы борьбы принадлежитъ къ самымъ неудачнымъ и печальнымъ отступленіямъ ихъ отъ марксизма.

Далѣе, совершенно невѣрны такъ-же представленія авторовъ „credo" о современномъ положеніи западноевропейскаго рабочаго движенія и той теоріи (марксизма), подъ знаменемъ которой идетъ это движеніе. Говорить о „кризисѣ марксизма" значитъ повторять безсмысленныя фразы буржуазныхъ писакъ, усиливающихся раздуть всякій споръ между соціалистами и превратить его въ расколъ соціалистическихъ партій. Пресловутая „бернштеніада" — въ томъ смыслѣ, въ какомъ ее обыкновенно понимаетъ широкая публика вообще и авторы „credo" въ частности, — означаетъ попытку съузить теорію марксизма, попытку превратить

революціонную рабочую партію въ реформаторскую, и эта попытка, какъ и слѣдовало ожидать, встрѣтила рѣшительное осужденіе со стороны большинства германскихъ соціальдемократовъ. Оппортюнистическія теченія не разъ обнаруживались въ германской соціальдемократіи и всякій разъ были отвергаемы партіей, которая вѣрно хранитъ завѣты революціонной международной соціальдемократіи. Мы увѣрены, что всякія попытки перенести оппортюнистическія воззрѣнія въ Россію встрѣтятъ столь-же рѣшительный отпоръ со стороны громаднаго большинства русскихъ соціальдемократовъ.

Точно также не можетъ быть и рѣчи ни о какомъ „коренномъ измѣненіи практической дѣятельности" западноевропейскихъ рабочихъ партій, вопреки мнѣнію авторовъ „credo". Громадное значеніе экономической борьбы пролетаріата и необходимость такой борьбы были признаны марксизмомъ съ самаго начала, и еще въ 40-хъ годахъ Марксъ и Энгельсъ полемизировали противъ утопическихъ соціалистовъ, отрицавшихъ значеніе такой борьбы. Когда, около 20 лѣтъ спустя, образовалось „Международное Общество Рабочихъ", вопросъ о значеніи профессіональныхъ рабочихъ союзовъ и экономической борьбы былъ поднятъ на первомъ-же конгрессѣ, въ Женевѣ, въ 1866 году. Резолюція этого конгресса точно указала значеніе этой борьбы, предостерегая соціалистовъ и рабочихъ съ одной стороны, отъ преувеличенія ея значенія (замѣтнаго у англійскихъ рабочихъ въ то время), съ другой стороны, отъ недостаточной оцѣнки ея значенія (что замѣчалось у французовъ и у нѣмцевъ, особенно у лассальянцевъ). Резолюція признала профессіональные рабочіе союзы не только закономѣрнымъ, но и необходимымъ явленіемъ при существованіи капитализма; признала ихъ крайне важными для организаціи рабочаго класса въ его ежедневной борьбѣ съ капиталомъ и для уничтоженія наемнаго труда. Резолюція признала, что профессіональные рабочіе союзы не должны обращать исключительное вниманіе на „непосредственную борьбу противъ капитала", не должны сторониться отъ общаго политическаго и соціальнаго движенія рабочаго класса; ихъ цѣли не должны быть „узкими", а должны стремиться къ всеобщему освобожденію угнетенныхъ милліоновъ рабочаго люда.

Съ тѣхъ поръ среди рабочихъ партій разныхъ странъ не разъ вставалъ (и не разъ будетъ, конечно, вставать) вопросъ о томъ, не слѣдуетъ ли въ данный моментъ обратить нѣсколько больше или нѣсколько меньше вниманія на экономическую или политическую борьбу пролетаріата, но общій и принципіальный вопросъ и сейчасъ стоитъ такъ, какъ онъ поставленъ марксизмомъ. Убѣжденіе о томъ, что единая классовая борьба пролетаріата необходимо должна соединять экономическую и политическую борьбу, перешло въ плоть и кровь международной соціальдемократіи. Историческій опытъ неопровержимо свидѣтельствуетъ далѣе, что отсутствіе политической свободы или стѣсненіе политическихъ правъ пролетаріата всегда ведетъ къ необходимости выдвинуть политическую борьбу на первый планъ.

Еще менѣе можетъ быть рѣчи о сколько нибудь существенномъ измѣненіи въ отношеніи рабочей партіи къ остальнымъ оппозиціоннымъ партіямъ. И въ этомъ отношеніи марксизмъ указалъ вѣрную позицію, одинаково далекую и отъ преувеличенія значенія политики,

и отъ заговорщичества (бланкизмъ и пр.), и отъ пренебреженія политики или съуженія ея до оппортюнистскаго, реформаторскаго соціальнаго штопанья (анархизмъ, утопическій и мелко-буржуазный соціализмъ, государственный соціализмъ, профессорскій соціализмъ и пр., и пр.). Пролетаріатъ долженъ стремиться къ основанію самостоятельныхъ политическихъ рабочихъ партій, главной цѣлью которыхъ долженъ быть захватъ политической власти пролетаріатомъ для организаціи соціалистическаго общества. На другіе классы и партіи пролетаріатъ отнюдь не долженъ смотрѣть, какъ на „одну реакціонную массу“: напротивъ, онъ долженъ участвовать во всей политической и общественной жизни, поддерживать всякое революціонное движеніе противъ существующаго строя, являться защитникомъ всякой угнетенной народности или расы, всякаго преслѣдуемаго вѣроученія, безправнаго пола и т. дал. Разсужденія на эту тему авторовъ „credo“ свидѣтельствуютъ лишь о стремленіи затушевать классовой характеръ борьбы пролетаріата, обезсилить эту борьбу какимъ-то безсмысленнымъ „признаніемъ общества“, съузить революціонный марксизмъ до дюжиннаго реформаторскаго теченія. Мы убѣждены, что громадное большинство русскихъ соціальдемократовъ безусловно отвергнетъ подобное искаженіе основныхъ принциповъ соціальдемократіи.

Невѣрныя посылки относительно западноевропейскаго рабочаго движенія приводятъ авторовъ „credo“ къ еще болѣе невѣрнымъ „выводамъ для Россіи“.

Утвержденіе, что русскій рабочій классъ „еще не выдвинулъ политическихъ задачъ“ свидѣтельствуетъ лишь о незнакомствѣ съ русскимъ революціоннымъ

движеніемъ. Еще „Сѣверно-Русскій Рабочій Союзъ“, основанный въ 1878 г., и „Южно-Русскій Рабочій Союзъ“, основанный въ 1879 году, выставили въ своей программѣ требованіе политической свободы. Послѣ реакціи 80-хъ годовъ рабочій классъ неоднократно выдвигалъ то же требованіе въ 90-хъ годахъ. Утвержденіе, что „разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву“ свидѣтельствуетъ лишь о полномъ непониманіи исторической роли русскаго рабочаго класса и насущнѣйшихъ задачъ русской соціальдемократіи. Собственная программа авторовъ „credo“ клонится, очевидно, къ тому, чтобы рабочій классъ, идя по „линіи наименьшаго сопротивленія“, ограничивался экономической борьбой, а „либерально-оппозиціонныя элементы“ боролись, при „участіи“ марксистовъ, „за правовыя формы“. Осуществленіе подобной программы было-бы равносильно политическому самоубійству русской соціальдемократіи, равносильно громадной задержкѣ и приниженію русскаго рабочаго движенія и русскаго революціоннаго движенія (два послѣднія понятія для насъ совпадаютъ). Одна уже возможность появленія подобной программы показываетъ, насколько основательны были опасенія одного изъ передовыхъ борцовъ русской соціальдемократіи, Павла Б. Аксельрода, когда онъ писалъ, въ концѣ 1897 года, о возможности такой перспективы:

„Рабочее движеніе не выходитъ изъ тѣчнаго русла чисто экономическихъ столкновеній рабочихъ съ предпринимателями и само по себѣ, въ цѣломъ, лишено политическаго характера. Въ борьбѣ-же за по-

литическую свободу передовые слои пролетаріата идутъ за революціонными кружками и фракціями изъ такъ называемой интеллигенціи". (Аксельродъ: „Къ вопросу о совращеніи задачъ и тактики русскихъ соціальдемократовъ". Женева. 1898 г. стр. 19).

Русскіе соціальдемократы должны объявить рѣшительную войну всему кругу идей, нашедшихъ себѣ выраженіе въ „credo", такъ какъ эти идеи прямо ведутъ къ осуществленію такой перспективы. Русскіе соціальдемократы должны приложить всѣ усилія къ тому, чтобы осуществилась другая перспектива, излагаемая П. Б. Аксельродомъ въ такихъ словахъ:

„Другая перспектива: соціальдемократія организуетъ русскій пролетаріатъ въ самостоятельную политическую партію, борющуюся за свободу *частью рядомъ и въ союзѣ* съ буржуазными революціонными фбакціями (по скольку таковыя будутъ въ наличности), частью-же привлекая прямо въ свои ряды или увлекая за собой наиболѣе народолюбивые и революціонные элементы изъ интеллигенціи" (Ibid., стр. 20).

Въ то самое время, когда П. Б. Аксельродъ писалъ эти строки, заявленія соціальдемократовъ въ Россіи показывали ясно, что громадное большинство ихъ стоитъ на той же точкѣ зрѣнія. Правда, одна газета петербургскихъ рабочихъ, „Рабочая Мысль", склонялась, какъ будто бы, къ идеямъ авторовъ „credo", высказываясь, къ сожалѣнію, въ своей передовой програмной статьѣ (№ 1, Октябрь 1897 г.) ту совершенно ошибочную и противорѣчащую соціальдемократизму мысль, что „экономическая основа движенія" можетъ быть „затемнена стремленіемъ постоянно не забывать политическаго идеала". Но въ то же время другая газета петербургскихъ рабочихъ, „С.-Петербургскій Рабочій Листокъ" (№ 2, Сентябрь 1897 г.), рѣшительно высказывалась за то, что „ниспровергнуть самодержавіе... можетъ единственно лишь крѣпко организованная многочисленная рабочая партія", что „организовавшись въ сильную партію" рабочіе „освободятъ себя и всю Россію отъ всякаго политическаго и экономическаго гнета". Третья газета, „Рабочая Газета", въ передовой статьѣ (№ 2 Ноябрь 1897 г.) писала: „Борьба съ самодержавнымъ правительствомъ за политическую свободу — есть ближайшая задача русскаго рабочаго движенія"... „Русское рабочее движеніе удесятеритъ свои силы, если выступитъ какъ единое стройное цѣлое съ общимъ именемъ и стройной организаціей"... „Отдѣльные рабочіе кружки должны превратиться въ одну общую партію". . . . „Русская рабочая партія будетъ партіей соціальдемократической". Что громадное большинство русскихъ соціальдемократовъ раздѣляло вполнѣ именно эти убѣжденія „Рабочей Газеты",—это видно изъ того, что состоявшійся весною 1898 г. съѣздъ русскихъ соціальдемократовъ образовалъ „Россійскую Соціальдемократическую Рабочую Партію", опубликовалъ ея „Манифестъ" и призналъ „Рабочую Газету" оффиціальнымъ органомъ партіи.

Такимъ образомъ авторы „credo" дѣлаютъ колоссальный шагъ назадъ противъ той ступени развитія, которой русская соціальдемократія уже достигла и которую она запечатлѣла въ „Манифестѣ Россійской Соціальдемократической Рабочей Партіи". Если отчаянная травля русскаго правительства привела къ тому, что въ настоящее время дѣятельность „Партіи" вре-

менно ослабѣла и ея оффиціальный органъ пересталъ выходить, то долгъ всѣхъ русскихъ соціальдемократовъ состоитъ въ томъ, чтобы приложить всѣ усилія къ окончательному укрѣпленію „Партіи“, къ выработкѣ программы партіи, къ возобновленію ея оффиціальнаго органа. Въ виду того шатанія мысли, о которомъ свидѣтельствуетъ возможность появленія такихъ программъ, какъ вышеразобранное „credo“, мы считаемъ особенно необходимымъ подчеркнуть слѣдующіе основные принципы, изложенные въ „Манифестѣ“ и имѣющіе громадную важность для русской соціальдемократіи.

Во-первыхъ, русская соціальдемократія „хочетъ быть и остаться классовымъ движеніемъ организованныхъ рабочихъ массъ“. Отсюда слѣдуетъ, что девизомъ соціальдемократіи должно быть содѣйствіе рабочимъ не только въ экономической, но и въ политической борьбѣ; агитація не только на почвѣ ближайшихъ экономическихъ нуждъ, но и на почвѣ всѣхъ проявленій политическаго гнета; пропаганда не только идей научнаго соціализма, но и пропаганда идей демократическихъ. Знаменемъ классового движенія рабочихъ можетъ быть только теорія революціоннаго марксизма, и русская соціальдемократія должна заботиться о ея дальнѣйшемъ развитіи и претвореніи въ жизнь, оберегая ее въ то же время отъ тѣхъ искаженій и опошленій, которымъ такъ часто подвергаются „модныя теоріи“ (а успѣхи революціонной соціальдемократіи въ Россіи сдѣлали уже марксизмъ „модной“ теоріей). Сосредоточивая въ настоящее время всѣ свои силы на дѣятельности въ средѣ фабрично-заводскихъ и горныхъ рабочихъ, соціальдемократія не должна забывать, что въ

ряды организуемыхъ ею рабочихъ массъ должны вой-
ти, съ расширеніемъ движенія, и домашніе рабочіе, и
кустари, и сельскіе рабочіе, и милліоны разореннаго
и умирающаго съ голоду крестьянства.

Во-вторыхъ, „на своихъ крѣпкихъ плечахъ русскій
рабочій долженъ вынести и вынесетъ дѣло завоеванія
политической свободы“. Ставя ниспроверженіе абсо-
лютизма своей ближайшей задачей, соціальдемократія
должна выступить передовымъ борцомъ за демократію,
и уже въ силу одного этого должна оказывать всякую
поддержку всѣмъ демократическимъ элементамъ рус-
скаго населенія, привлекая ихъ къ себѣ въ союзники.
Только самостоятельная рабочая партія можетъ быть
твердымъ оплотомъ въ борьбѣ съ самодержавіемъ, и
только въ союзѣ съ такой партіей, въ поддержкѣ ея
могутъ активно проявить себя всѣ остальные борцы
за политическую свободу.

Наконецъ, въ-третьихъ: „Какъ движеніе, такъ и на-
правленіе соціалистическое, россійская соціальдемок-
ратическая партія продолжаетъ дѣло и традиціи всего
предшествовавшаго революціоннаго дѣла въ Россіи;
ставя главнѣйшею изъ ближайшихъ задачъ партіи въ
ея цѣломъ завоеваніе политической свободы, соціаль-
демократія идетъ къ цѣли, ясно намѣченной еще слав-
ными дѣятелями старой „Народной Воли“. Традиціи
всего предшествовавшаго революціоннаго движенія въ
Россіи требуютъ, чтобы соціальдемократія сосредото-
чила въ настоящее время всѣ свои силы на организа-
ціи партіи, укрѣпленіи дисциплины внутри ея и раз-
витіи конспиративной техники. Если дѣятели старой
„Народной Воли“ съумѣли сыграть громадную роль въ
русской исторіи, несмотря на относительную слабость

тѣхъ общественныхъ слоевъ, которые поддерживали немногихъ героевъ, то соціальдемократія, опираясь на классовую борьбу пролетаріата, съумѣетъ стать непобѣдимой. „Русскій пролетаріатъ сброситъ съ себя ярмо самодержавія, чтобы съ тѣмъ большей энергіей продолжать борьбу съ капиталомъ и буржуазіей до полной побѣды соціализма“.

—

Мы приглашаемъ всѣ группы соціальдемократовъ и всѣ рабочіе кружки въ Россіи обсудить вышеприведенное „credo“ и нашу резолюцію и высказать опредѣленно свое отношеніе къ поднятому вопросу, чтобы устранить всякія разногласія и ускорить дѣло организаціи и укрѣпленія россійской соціальдемократической рабочей партіи.

ПИСЬМО КЪ АКСЕЛЬРОДУ ОДНОГО ИЗЪ АВТОРОВЪ БРОШЮРЫ ПРОТИВЪ ГРУППЫ „О. Т.“.

Дорогой Павелъ Борисовичъ!

Я тоже очень жалѣю, что не могу говорить съ Вами лично.... Съ теоретической точки зрѣнія генезисъ и развитіе имущественнаго интереса рабочаго класса дастъ намъ точку опоры, съ которой только и возможно понять какъ политическія стремленія рабочихъ, такъ и многоразличныя и часто противорѣчивыя формы организацій, создаваемыхъ рабочимъ классомъ въ его развитіи. Съ этой точки зрѣнія соціализмъ является логически вытекающимъ изъ интересовъ класса фабричныхъ рабочихъ и совершенно не вытекающимъ изъ интересовъ группы, которую защищалъ Шульце-Деличъ, Брентано, нашъ В. В. и другіе мѣщане. Возможность *психическаго* воздѣйствія съуживается, революціонныя вспышки — и ихъ неизбѣжная *реакція* — становятся понятны и самъ рабочій классъ, анализируемый съ этой точки зрѣнія — является уже величиной

опредѣленной въ каждомъ данномъ конкретномъ случаѣ, а не фикціей. Для меня Бельгія являлась въ этомъ отношеніи сам й лучшей школой. Политическія надстройки не прикрываютъ въ ней процесса развитія рабочихъ. Тамъ во очію можно было наблюдать (напр. въ вопросѣ о національной кассѣ) антагонизмъ мелкихъ ремесленниковъ съ крупными мануфактурными рабочими, а тѣмъ болѣе интеллигенціи, мечтающей о захватѣ власти и соціальной революціи — съ рабочими защищающими свои *реальные интересы. Послѣ Бельгіи мнѣ стало стыдно теперь говорить о соціальной революціи*.... Не знаю почему, слова имущественный, реальный—вызываютъ непремѣнно у многихъ представленіе о чемъ то низшемъ, низменномъ. Развѣ слово реальный не значитъ просто—существующій? Развѣ защита имущественныхъ интересовъ не потребуетъ въ ближайшемъ будущемъ политическихъ правъ? Но требованіе политическихъ правъ *рабочими* ничего не имѣетъ общаго съ сверженіемъ самодержавія. Въ сущности мы и теперь не имѣемъ уже права говорить о самодержавіи, которое какъ змѣя изворачивается, чтобы приспособиться къ новому способу производства и съѣздами, синдикатами и союзами старается замазать рты буржуазіи, нуждающейся въ широкой свободѣ. И нельзя не признать, что свобода эта у нашей буржуазіи *есть*, что ей не приходится разбивать средневѣковыя рамки цехового строя, — онѣ разбиты давно фискальными нуждами самого самодержавія. Если теперь буржуазія можетъ безпрепятственно удовлетворять свои алчные инстинкты, если правительство извивается на всѣ лады, чтобы угодить и дворянамъ, и фабрикантамъ, — то остается ждать одного: когда обострятся интересы внутри самой буржуазіи. Тогда самодержавіе, неугодившее какой-либо сторонѣ, уступитъ мѣсто буржуазной конституціи. При чемъ же рабочій классъ? Можно-ли ему спокойно ждать этой конституціи? Я думаю, что Вы подозрѣваете насъ именно въ этой точкѣ зрѣнія. На Бельгіи, Германіи, на Англіи я ясно вижу, что во все время существованія буржуазной конституціи рабочіе непрерывно борятся за.... политическія права. Если у насъ растетъ сознательная буржуазія, богатая опытомъ своей подруги — буржуазіи запада, то.... утопично думать, что она при сверженіи самодержавія измѣнитъ политическое положеніе рабочихъ. При отвратительной, ничѣмъ не прикрытой реакціи на западѣ когда рабочіе должны дрожать уже за добытыя права — въ Россіи нельзя ожидать чего либо отъ конституціи. Что-же остается дѣлать? Остается ничего не ожидая, ни на кого не возлагая надеждъ, самимъ рабочимъ, *при существующей формѣ правленія*, теперь, немедленно, неустанно и шагъ за шагомъ добиваться политическихъ правъ. Для рабочихъ нѣтъ этапа, на которомъ можно бы было отдохнуть; тѣмъ болѣе не явится такимъ этапомъ конституція. Такимъже путемъ, какимъ добились они легализированія стачки — необходимо добиваться свободы собраній, печати. Путемъ постояннаго повторенія стачекъ, путемъ массового движенія, массовой организаціи нужно защищать политичечкія права рабочихъ. У насъ въ Россіи приходится считаться съ поразительно низкимъ уровнемъ развитія рабочихъ и расчитывать на то, что они быстро поймутъ роль и зловредность самодержавія — невозможно. Но за то у насъ другое преимущество передъ медленнымъ процессомъ запада — ростъ круп-

наго производства и фабричнаго пролетаріата. Есть и еще преимущество — бѣлый терроръ, который практикуетъ съ рабочими правительство, быстро прочиститъ имъ головы и быстро поставитъ въ ряду *реальныхъ* интересовъ — политическіе интересы. Если можно задушить, задавить ремесленное движеніе Вильны и запада, то нельзя будетъ этого сдѣлать съ Петербургомъ, Москвой, съ Фабрикой. Поэтому мое мнѣніе, что говорить теперь, пропагандировать рабочимъ сверженіе самодержавія—а, значитъ, просто на просто революцію — это значитъ подвергать ихъ величайшей опасности, какая только была возможна въ исторіи. Пока нѣтъ среди нихъ сознанія своихъ интересовъ (а его нѣтъ), пока нѣтъ выработанной на практикѣ стойкости и организованности, до тѣхъ поръ всякій призывъ къ сверженію самодержавія повлечетъ за собою лишь серпуховскія побоища. Пока не совершится революція въ самомъ рабочемъ классѣ, до тѣхъ поръ революція въ Россіи наканунѣ XX-го вѣка будетъ мнѣ рисоваться кровавымъ моремъ, которое надолго затопитъ нарождающееся движеніе. Конечно, такая революціа возможна и безъ нашей пропаганды. Но стихійное движеніе—не есть програмный вопросъ. Я думаю, что никогда революція не можетъ войти ни въ одну программу. Программа—это цѣли и способы борьбы, а, слѣдовательно, и способы организацій этой борьбы. Всякая борьба въ исторіи вела къ организаціямъ, были-ли онѣ сознательны или выростали стихійно. Преимущество соціальдемократіи передъ другими борцами исторіи въ томъ, что такія организаціи (какую бы форму онѣ не носили) она можетъ устраивать *сознательно*, предумышленно и *планомѣрно*. Пропаганда способовъ организаціи, указаніе *пути* на почвѣ уже *сознанныхъ* интересовъ рабочихъ есть *единственная* задача соціальдемократіи. Будущій строй зависитъ не только отъ класса рабочихъ, но и отъ комбинаціи *всѣхъ* условій производства, и въ активную програмную дѣятельность рабочаго класса входить не можетъ: это величина неизвѣстная, вѣроятно, даже и самому богу. Рабочимъ извѣстны только двѣ вещи: 1) ихъ собственный, ясно сознанный, конкретный интересъ и 2) ихъ положеніе, то или другое, среди другихъ классовъ. Отсюда—роль надстройки, интеллигентной соціальдемократіи—понять интересъ данной минуты, т. е. ту активно-психическую базу, которая явится двигателемъ массы и, во-вторыхъ, понять возможно шире и правильнѣе положеніе этой массы въ ряду всѣхъ другихъ условій данной же минуты. Абстрактная проповѣдь соціализма и солидарности мало тутъ чѣмъ поможетъ; наоборотъ, вѣрно указанный путь активной борьбы—приведетъ-ли онъ къ успѣху или нѣтъ—сдѣлаетъ много: онъ учитъ рабочихъ бороться съ одной стороны и съ другой — опять таки конкретно указываетъ на препятствія и, слѣдовательно, *порождаетъ* новый интересъ. Такимъ образомъ въ самой борьбѣ знаніе методовъ борьбы неизбѣжно связано съ расширеніемъ горизонта и цѣлей.

Такъ какъ передать фактъ безъ предвзятой точки зрѣнія логически невозможно, то и въ моей статьѣ, разумѣется, сказалась эта точка зрѣнія. Я хотѣлъ на дѣйствительныхъ фактахъ показать эволюцію борьбы и выборъ средствъ отъ стихійныхъ вспышекъ до организаціи бельгійскихъ углекоповъ. Хотѣлось также показать необходимость политическихъ правъ, для защиты имущественныхъ. При чемъ долженъ оговориться,

что всѣ факты бралъ не искажая, а философія, которая не нравится К—ву, принадлежитъ не мнѣ, а членамъ Бельгійской партіи: Ельберсу, Окторсу, Лео, Гено и многимъ другимъ членамъ новаго противо-утопическаго (если можно такъ выразиться) теченія бельгійскаго рабочаго движенія. Я неудачно написалъ ее — это, конечно, зависитъ отъ моей непривычки излагать мысли; но точки зрѣнія я измѣнить не могу, почему и не знаю, какъ я могу передѣлать ее?*) Если выкинуть призывъ къ организаціи, что отъ нея остается? Стачка—какъ тысяча другихъ. Сама стачка для меня являлась лишь прицѣпкой для описанія *способовъ* борьбы и тѣхъ препятствій, которые встрѣчаютъ на своемъ пути рабочіе. Эти препятствія всегда и внѣ рабочихъ, и въ нихъ самихъ; и то, и другое я старался подтвердить. Но сдѣлалъ это я, вѣроятно, очень неудачно. Кол—въ ссылается на удручающее впечатлѣніе конца статьи. Но, вѣдь, развѣ можно скрывать отъ рабочихъ значеніе организаціи патроновъ? Это такая опасность, которая при бѣшенной конкурренціи нашего рынка грозитъ рабочимъ всѣхъ странъ и націй. И опять таки единственнымъ исходомъ является организація рабочихъ, все равно въ какой формѣ, организація и борьба.

На нелегальную литературу я лично возлагаю постольку надежды поскольку она *объясняетъ* рабочимъ окружающее и указываетъ имъ способъ дѣйствій, хотя бы иллюстраціей борьбы ихъ заграничныхъ товари-

*) Рѣчь идетъ о статьѣ, предназначавшейся для напечатанія въ „Листкѣ Работника“. Прим. изд.

щей. Совершенно согласенъ съ Вами, что не къ чему замалчивать и зловредность самодержавія. Но зловредность эта двулицая: съ точки зрѣнія ея зловредности *вообще* какъ таковой, и зловредности для даннаго класса. Въ послѣднемъ случаѣ анализъ болѣе сложенъ и требуетъ тщательнаго изученія отношеній всѣхъ классовъ къ данному классу и самодержавію. Въ Россіи еще запутаннѣе; она выступила поздно, при совершенно сформировавшихся капиталистическихъ отношеніяхъ на западѣ и въ международномъ хозяйствѣ, и стремительная ломка старыхъ устоевъ представляетъ историческое событіе не вполнѣ укладывающееся въ рамки западноевропейскихъ формъ. Не подумайте, что это пресловутая „самобытность“ или особенность Россіи. Нѣтъ, это просто протестъ противъ схематическаго прилаживанія пути развитія запада къ нашему. На западѣ при одномъ и томъ-же „пути“ приходится сталкиваться съ такими богатствами формъ проявленія одного и того-же явленія—капитализма, что практическаго дѣятеля, я думаю, болѣе всего должны интересовать эти формы, какъ единственныя конкретныя вещи, съ которыми ему приходится сталкиваться. Я, напримѣръ, твердо увѣренъ, что рабочіе добьются политическихъ правъ. Меня интересуетъ не это, а *какъ* и *когда;* политическія права Англіи не то, что права Германіи или Бельгіи, или Франціи. Конечно, съ философской точки зрѣнія мы можемъ найти достаточныя основанія для этой разницы, но для практика нужно знать форму *возможную* при данныхъ условіяхъ. И эти условія въ Россіи существенно различны: 1) союзъ буржуазіи, умной и образованной съ самодержавіемъ (сравните представителей правительства во время спо-

ровъ о денежной реформѣ съ нашими либералами Чупровымъ, Ходскимъ....). 2) боязнь смертельная рабочаго движенія, сразу ставшаго не на точку зрѣнія Шульце-Делича, а на точку зрѣнія пролетаріата крупной промышленности, пролетаріата неспособнаго удовлетвориться кассами взаимопомощи. Поэтому, я думаю, что у насъ борьба рабочихъ за политическія права будетъ болѣе упорна, чѣмъ гдѣ-бы то ни было, что *организаціи* рабочихъ и ихъ *тактика* должны являться кардинальнымъ пунктомъ дѣятельности всякаго соціальдемократа, и основнымъ содержаніемъ всей нелегальной литературы. Поэтому и подборъ фактовъ, и ихъ освѣщеніе должно отвѣчать этой главной задачѣ: борьбѣ настоящей, борьбѣ возможной въ ту или другую минуту. Пропаганда будущаго, соціализма и всего прочаго, можетъ *пока* служить хорошимъ средствомъ для привлеченія *отдѣльныхъ лицъ* изъ интеллигенціи и рабочей среды (въ большинствѣ случаевъ мало сознательныхъ и сантиментальныхъ), но *никогда* массы. Въ Англіи *теперь* эта пропаганда соціализма становится достояніемъ массы и не даромъ англійскій министръ финансовъ говоритъ, что „стремительно развивающійся соціализмъ въ традъ-юніонской Англіи для ея строя опаснѣй чумы, мора, голода". Еще-бы! Тамъ соціализмъ является *послѣднимъ* реальнымъ интересомъ сплоченной, организованной массы, а не простымъ звукомъ, не связаннымъ съ будничной жизнью рабочей массы. Простите, Павелъ Борисовичъ, что утомилъ Васъ этимъ длиннымъ и мало связнымъ изложеніемъ элементарныхъ истинъ. Къ сожалѣнію, къ общественнымъ истинамъ пока непримѣнима математика и $2 \times 2 = 4$, поэтому всѣ эти истины окрашены субъективиз-

момъ, и трудно встрѣтить двухъ соціальдемократовъ, одинаково понимающихъ процессъ развитія и его исходныя точки. Именно въ силу этого обстоятельства мнѣ не кажутся страшными разногласія подобнаго рода: если люди хорошо понимаютъ, что *на практикѣ* они не могутъ, *не должны* расходиться, то въ теоретическихъ воззрѣніяхъ слѣдовало-бы предоставить полную свободу слова (въ предѣлахъ общаго міровоззрѣнія, конечно), о чемъ только и просила . . . . ская группа. Ни о какихъ перемѣнахъ редакціи *не было* и не могло быть рѣчи по тремъ причинамъ: 1) . . . . ская группа слишкомъ молода, чтобы высказывать подобныя претензіи, 2) мѣсто ....ской группы—Россія, 3) ....ская группа твердо вѣритъ въ то, что „Группа Освобожденія Труда" чутко прислушивается къ требованіямъ русскаго рабочаго движенія и если взгляды, высказываемые группой . . . . ской окажутся также взглядами русскихъ группъ, то редакція никогда не будетъ препятствовать свободному ихъ выраженію въ печати. Я съ Вами совершенно согласенъ, что въ обращеніяхъ къ массѣ редакція не должна допускать разногласій, особенно, когда дѣло идетъ о тактикѣ. Но тогда тѣмъ болѣе необходимо сговориться и установить детально пункты разногласій, что возможно сдѣлать только при личномъ и подробномъ обсужденіи. Въ брошюрахъ же для интеллигенціи подобныя различія въ точкахъ зрѣнія не только не вредны, *но желательны*, такъ какъ марксизмъ не-мертвая доктрина, а развивающаяся и расширяющаяся въ содержаніи руководящая теорія, и критика ея, а также развитіе нѣкоторыхъ неразвитыхъ положеній въ настоящее время существенно важны.

Что касается Листка, то я не думаю, чтобы онъ

могъ послужить пунктомъ разногласій: въ немъ рѣчь будетъ идти о матеріалѣ для массы, а не для интеллигенціи. Если говорилось о выдержанности тона, то имѣлось въ виду именно отсутствіе „сверженія самодержавія“, соціализма и другихъ вещей пока совершенно недоступныхъ массѣ, не потому чтобы она была безграмотнымъ Сысойкой, а потому, что стучаться въ закрытыя сердца — это значитъ не найти въ нихъ желаннаго отклика. Что для „сверженія“ и „соціализма“ сердца русской массы закрыты — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія. Сомнѣнія могутъ быть лишь въ томъ, *какъ* ихъ открыть. Листокъ долженъ былъ направляться на указаніе *доступныхъ* въ *настоящемъ* массѣ средствъ, а не на доказательства того, что царство небесное для нея неизбѣжно. Соціализмъ хорошъ теперь для возбужденія въ массѣ молитвенно-блаженнаго состоянія при мысли объ этомъ будущемъ, а не активно сознательной и упорной борьбы.

Не знаю, удалось-ли хоть отчасти выяснить точку зрѣнія. Она далека какъ отъ Шульце-Делича, такъ и отъ нѣкоторыхъ положеній Комм. Ман. Если этотъ послѣдній признать за Евангеліе, то эта точка зрѣнія является ересью. Если-же допустить, что жизнь не стояла, а шла, то, быть можетъ, она имѣетъ корни въ дѣйствительности, что, конечно, покажетъ дальнѣйшее развитіе и общественныхъ наукъ, и вообще всего теоретическаго багажа соціальдемократіи.

Маленькая иллюстрація: въ брошюрѣ К—ва о законѣ 2-го іюня говорится: „что современные законодатели меньше всего могутъ заботиться объ интересахъ рабочихъ, что они чаще противодѣйствуютъ охранѣ этихъ интересовъ, чѣмъ помогаютъ имъ, что самодер-

жавіе должно погибнуть для того, чтобы рабочіе могли жить“. Выводъ не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: какъ будто-бы хоть одно законодательство запада помогаетъ рабочимъ *и не препятствуетъ* защищать свои интересы!! Въ Бельгіи, гдѣ бумажный король отнюдь не можетъ считаться „самодержавіемъ“, законодательство стоитъ на страшно низкой ступени, и борьба съ католиками становится съ каждымъ годомъ упорнѣй. Даже изданные законы (Les lois Vanderv.) остаются мертвой буквой, если *сила рабочихъ* не на верху (въ парламентѣ) *а внизу* недостаточна. При чемъ тутъ самодержавіе? Если бы К—въ говорилъ въ томъ смыслѣ, что *всякая* буржуазная законодательная машина неспособна *безъ силы рабочихъ* обезпечить имъ защиту — я думаю всякій бы съ нимъ согласился, но выдѣлять одно самодержавіе—невѣрно.

Очень прошу Васъ воздержаться отъ зачисленія подобной точки зрѣнія въ мѣщанскія міровоззрѣнія или подозрѣвать въ умѣренности и аккуратности въ тѣхъ случаяхъ, когда объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.

Товарищи согласны съ выраженными въ этомъ письмѣ положеніями.

ПИСЬМО г. Г.

Пока буду писать о такихъ вещахъ и дѣлахъ, не имѣющихъ строгаго отношенія къ затрогиваемой нами темѣ. Мы имѣемъ дѣло съ людьми и съ вопросами,

въ которыхъ и у которыхъ оттѣнки мысли, традиціи, способъ выраженія и традиціи прошлаго играютъ очень рѣшительную роль. За время моего пребыванія здѣсь мнѣ приходилось много думать и говорить объ этихъ вопросахъ съ N. N. и M. M. Для полнаго пониманія ихъ взглядовъ и ихъ отношенія къ дѣлу я хочу выяснить Вамъ ихъ обликъ. Въ этомъ смыслѣ вопросъ принимаетъ болѣе ясную форму. N. N. человѣкъ молодой, бывшій народоправецъ, народоволецъ и сравнительно только недавно перешедшій на сторону соціальдемократ. Слѣдуетъ признаться, что онъ человѣкъ выдающійся по своему оригинальному мышленію и умѣнію критически относиться ко всякимъ революціоннымъ традиціямъ и взглядамъ. Путь критики, путь отрицанія — путь благодарный для такого богатаго способностями человѣка, какъ онъ, но путь чрезвычайно скользкій. Въ своей критикѣ программъ и взглядовъ, установившихся въ европейской соціальдемократическ. литературѣ, онъ положительно не оставляетъ камня на камнѣ. Взглядъ на прошлое соціальдемократіи совершенно другой, чѣмъ онъ установился въ нѣмецкой литературѣ. Коммунизмъ Маркса, взгляды Лассаля, тенденціи, проявлявшіяся въ революціи 48 г. все это принимаетъ у него совершенно другую окраску. Основной его взглядъ, что всѣ идеологическія постройки революціи, всѣ ихъ отдаленныя цѣли, носятъ чисто идеалистическій характеръ. Они поэтому имѣютъ мало общаго съ основными требованіями пролетаріата или во всякомъ случаѣ далеко ихъ опередили. По его мнѣнію соціализмъ Маркса и Энгельса по столько научёнъ, по сколько онъ является съ одной стороны критикой существующаго капиталистическаго строя, а съ

другой — выражаетъ ближайшія требованія рабочаго класса. Всѣ ихъ надежды на близкій конецъ капиталистической эры, всѣ ихъ пророчества на близкую соціальную революцію не научны. Онъ вполнѣ въ этомъ отношеніи согласенъ съ взглядами Бернштейна, высказанными имъ недавно въ Neue Zeit., что въ соціализмѣ для него „Bevegung“ все, а все остальное его мало интересуетъ и не входитъ съ одной стороны въ область научнаго изслѣдованія, а съ другой не имѣетъ отношенія къ современнымъ практическимъ задачамъ рабочаго класса.

Соціализмъ, по его мнѣнію, есть защита интересовъ пролетаріата въ самомъ широкомъ смыслѣ. Что будущее дастъ—это лежитъ внѣ области научнаго познанія. Пока мы знаемъ только одно. Рабочему классу въ Европѣ нужны Koalitionsrecht, широкая политическая свобода, демократическія реформы, сокращеніе рабочаго дня, увеличеніе заработной платы и т. п.

Онъ сильно увлекается бельгійскими кооперативами, созданными тамошней рабочей партіей. Онъ считаетъ организацію рабочаго класса на почвѣ ежедневныхъ, въ широкомъ смыслѣ понимаемыхъ, интересовъ той ближайшею цѣлью, которую должна себѣ ставить европейская соціальдемократія. Безъ организаціи нѣтъ результатной борьбы, нѣтъ воспитанія. Въ частности кооперативы, не непремѣнно классовыя, играютъ очень крупную, по его мнѣнію, роль.

Стремленіе же многихъ соціальдемократовъ къ захвату политической власти въ ближайшемъ будущемъ, надежда на то, что современный пролетаріатъ, въ своемъ большинствѣ неорганизованный, съумѣетъ выбрать въ парламентъ соціальдемократическое большинство —

утопія. Съ другой стороны ставить въ программу обобществленіе орудій труда или толковать о Zukunftstaats — утопично и ребячество. Онъ думаетъ, какъ и Бернштейнъ, что капитализму еще долго жить, что въ немъ въ настоящее время происходитъ процессъ приспособленія къ новымъ условіямъ техники. Онъ полагаетъ, что процессъ техники предполагаетъ во многихъ отрасляхъ производства не концентрацію, а стагнацію или даже раздробленія. Поэтому говорить теперь объ агоніи капитализма, какъ многіе привыкли теперь выражаться, по малой мѣрѣ смѣшно. И вмѣстѣ съ тѣмъ не менѣе ненаучно говорить о будущей формѣ общества. Объ этомъ мы не можемъ пока имѣть никакого представленія. Данныя настоящаго даютъ намъ на этотъ счетъ мало указаній и мы не можемъ предвидѣть всѣхъ измѣненій въ техникѣ и производств. отношеніяхъ, которыя можетъ намъ принести будущее. Наука-же можетъ имѣть дѣло только съ фактомъ, а не съ догадками. Догадки же ставить въ основѣ программы совершенно неблагоразумно и можетъ привести къ недоразумѣніямъ и разочарованіямъ. Мы можемъ говорить объ ограниченіи капиталистической эксплуатаціи, говорить даже (и то еще вопросъ) о ея уничтоженіи, но и только. Но о формѣ этого идеала мы не имѣемъ права говорить.

Интересны, между прочимъ, его наблюденія надъ бельгійскимъ рабочимъ движеніемъ. Бельгійская рабочая масса представляется въ его глазахъ совершенно не тѣмъ, какъ она обыкновенно намъ рисуется. Онъ разбиваетъ ее на три группы: чистый пролетаріатъ, мануфактурныхъ рабочихъ и мелкое ремесло и наглядно доказываетъ, какъ мало общаго между ними, какъ

различны ихъ требованія, какъ различно ихъ отношеніе къ политическимъ вопросамъ и т. п. Выводъ, къ которому онъ приходитъ, тотъ, что у современнаго рабочаго класса очень мало общихъ требованій, которыя могли бы объединить его и привести къ близкому паденію капитализма. Несмотря на полную свободу слова, собраній и союзовъ мы находимъ огромныя массы неорганизованныхъ рабочихъ, мало интересующихся политикой и ставящихъ только профессіональныя требованія, вытекающія изъ производств. отношеній, господствующихъ въ той или другой группѣ рабочаго класса. Сколько лѣтъ уже тамошняя соціалистическая интеллигенція старается ихъ направить на широкую политическую борьбу, на то, чтобы дать имъ общій интересъ — всѣ ихъ усилія разбиваются въ конецъ. Рабочая масса беретъ изъ программы революціонной интеллигенціи только то, что ей насущно необходимо и что можетъ быть достижимо въ настоящемъ, отбрасывая все остальное, какъ ненужную для нея идеализацію и игнорируя ее. Изъ этого можно сдѣлать только тотъ выводъ, что интеллигенція, если она хочетъ успѣшно работать въ пролетаріатѣ, какой бы то ни было изъ названныхъ группъ, она должна изучить основныя ея производственныя отношенія, уловить ея насущныя требованія и на нихъ построить свою ближайшую программу. Только такая программа и можетъ имѣть успѣхъ. Какія требованія ни выставляла соціалистическая интеллигенція въ Бельгіи, если они только не коренятся въ условіяхъ производства и данныхъ соціальныхъ отношеніяхъ, они никогда серьезно не поднимали массу и не вызывали ее на борьбу.

Въ силу этого убѣжденія толковать рабочей массѣ

въ Россіи объ уничтоженіи капитализма, о соціализмѣ, наконецъ, объ уничтоженіи самодержавія вообще нелѣпо и непроизводительная трата силъ. Объ этихъ вопросахъ можно, конечно, говорить въ кружкахъ, можно, наконецъ, пропагандировать, и то съ надлежащимъ умѣніемъ, но ни въ какомъ случаѣ не дѣлать эти вопросы и требованія предметомъ агитаціи и разрабатывать ихъ въ литературѣ, предназначающейся для широкихъ массъ рабочаго населенія. Поэтому то такъ безсмысленны требованія образовать въ настоящее время единую оппозиціонную партію всѣхъ революціонныхъ силъ въ Россіи и объединять рабочихъ на почвѣ агитаціи пункта объ уничтоженіи самодержавія, какъ ставитъ себѣ Павелъ Борисовичъ въ послѣсловіи къ брошюрѣ „Объ агитаціи". Раньше, чѣмъ рабочими (очень значительной ея частью) нельзя объ этомъ думать. Единственно возможное, это пробуждать ея сознаніе на почвѣ ея ежедневныхъ требованій, организовать ее, выдвигать самые близкіе ей вопросы и постепенно, по мѣрѣ хода ея борьбы, формулировать тѣ общія требованія, которыя возникаютъ на этой почвѣ.

При этомъ слѣдуетъ строго отличать агитацію и пропаганду. Агитировать можно то, что имѣетъ шансы на успѣхъ и можетъ охватить ту или другую массу. При пропагандѣ, которая обыкновенно ограничивается сравнительно небольшимъ кругомъ людей, можно допускать какія угодно отступленія отъ агитаціонной программы, такъ какъ Вы говорите не о ближайшихъ нуждахъ, имѣете дѣло съ болѣе подготовленнымъ народомъ, и кромѣ того Вы излагаете научныя мнѣнія, которыя совершенно нежелательно ограничивать и кастрировать.

Затѣмъ, если мы говоримъ о томъ, что мы не можемъ теперь говорить о борьбѣ съ самодержавіемъ — это не значитъ, что мы отказываемся отъ политической агитаціи. Пожалуй, если понимать подъ борьбой съ самодержавіемъ политическую агитацію, т. е. выставленіе требованій рабочихъ: право сходокъ, слова, собраній и т. под., то противъ этого нельзя ничего имѣть. Я пишу „пожалуй", потому что теперь поднять агитацію на этой почвѣ можно только въ нѣкоторыхъ крупныхъ и подготовленныхъ центрахъ, какъ Петербургъ, Варшава, Вильна, Кіевъ и кромѣ того эта агитація будетъ больше носить характеръ пропаганды. За тѣмъ, когда говорятъ о борьбѣ слѣдуетъ же ясно поставить вопросъ, въ чемъ она должна выражаться? Если она выражается въ политической агитаціи въ тѣхъ пунктахъ и тѣхъ размѣрахъ, о которыхъ я говорю выше, то съ этимъ нельзя не согласиться. Но если понимать подъ борьбой то, что понимается въ западной Европѣ, т. е. устройство демонстрацій, волненій и т. п. — это преждевременно, да и невозможно. О какихъ же другихъ формахъ борьбы они говорятъ въ Цюрихѣ? Въ Россіи товарищи многіе также толкуютъ и пишутъ о политической борьбѣ, но никто мнѣ толкомъ не объяснилъ, въ чемъ она заключается и должна заключаться. Правильнѣе всѣхъ этотъ вопросъ ставятъ виленцы: въ своей прокламаціи они указываютъ, что единственнымъ и главнымъ средствомъ политической борьбы пока является только неустанная, широкая массовая борьба на почвѣ экономической, такъ какъ въ данномъ случаѣ рабочіе нарушаютъ то, что запрещено закономъ, и фактически, такимъ образомъ, ставятъ свои насущныя требованія. Устраивая тайные

союзы и собранія, стачки, распространяя нелегальное слово, рабочіе фактически ведутъ политическую борьбу. Другой формы я абсолютно теперь не знаю.

Вы возстаете противъ того взгляда, что въ каждой группѣ рабочихъ приходится ставить разныя требованія, иногда противорѣчащія идеаламъ соціальдемократіи. Теоретически объ этомъ спорить трудно. Но слѣдуетъ признать, что если стать на Вашу точку зрѣнія, пришлось бы работу среди мануфактурныхъ рабочихъ прекратить. Идя противъ требованій о недопущеніи женскаго труда, ограниченія ученичества, Вы потеряли среди рабочихъ всякое вліяніе. Среди литовскихъ евреевъ пришлось бы работу прекратить, такъ какъ многія стачки и волненія рабочихъ возникали на этой почвѣ. Возьмите знаменитую эдельштейновскую стачку, въ которой играла очень значительную роль интеллигенція, чѣмъ она вызвана? Желаніемъ Эдельштейна ввести женскій трудъ на фабрикѣ. При практической работѣ волей неволей приходится поддерживать такого рода требованія, или отказаться отъ работы и перейти къ идеальному пролетарію, а гдѣ онъ этотъ идеалъ? Гдѣ найти такую массу, гдѣ можно было-бы защищать самыя чистыя основы соціальдемократіи? Я ее пока не нахожу. Разберитесь толково въ требованіяхъ массовыхъ всякихъ нѣмецкихъ, французскихъ, бельгійскихъ Gewerkschaften и Вы увидите, сколько тамъ не подходящаго подъ идеалъ соціальдемократіи. Главарямъ нѣмецкой соціальдемократіи или русскимъ эмигрантамъ (простите за рѣзкость) легко объ этомъ говорить, такъ какъ стоятъ далеко отъ экономической борьбы массъ и имъ не приходится на практикѣ принимать то или другое рѣшеніе, хорошо сказать: не поддерживайте

временныхъ, но не идеальныхъ интересовъ; исполнимо ли это и имѣете ли Вы даже на это право? Это еще тоже большой вопросъ...

Дорогой Б.!

Что касается образованія въ Россіи новой соціальдемократической партіи, то я могу сказать только, что она составилась изъ соціалистовъ революціонеровъ и рабочихъ революціонеровъ и носитъ яркій политическій характеръ и болѣе всего подходитъ къ программѣ Аксельрода и Кольцова. Они хотятъ взять самодержавіе на „уру". Во всякомъ случаѣ, какъ и Россійская, такъ и новая Русская мало силъ имѣютъ и имѣли бы мало, даже если бы онѣ соединились. Тѣмъ болѣе, что въ Питерѣ и другихъ мѣстахъ остались группы, не желающія имѣть съ нашей дѣло въ смыслѣ организаціонномъ, считая nonsens'омъ политиканство, несоотвѣтствующее дѣйствительному положенію дѣлъ въ Россіи. Впрочемъ, оговорюсь, все это слухи, мало провѣренные. Для меня ясно только одно, что создать въ настоящее время партію и программу очень не трудно. Есть-ли это шагъ впередъ—вопросъ. Впрочемъ, посмотримъ...

Новый апостолъ остается мнѣ милъ по-прежнему. Его увлеченія не такъ страшны, какъ это Вамъ издали кажется и, по-моему, даже очень полезны для отрезвленія „политиковъ" разнаго рода. Я убѣжденъ, что онъ въ будущемъ принесетъ намъ много пользы. У

кого, спрашивается, нѣтъ увлеченій, или теоретическихъ крайностей!? Это все-таки не мѣшаетъ работать вмѣстѣ и цѣнить человѣка, какъ дѣятеля и человѣка искретняго.

Мы съ нимъ немного расходимся въ вопросахъ о необходимости выставленія въ программахъ организаціоннаго начала, въ смыслѣ организацій всякаго рода обществъ.

Не отрицая этого въ принципѣ, мы считаемъ, что онъ недостаточно знаетъ условія жизни русскаго пролетаріата.

Это есть такая же крайность, какъ выдвиганіе на первый планъ политической агитаціи и борьбы. Какъ то, такъ и другое есть плодъ теоретизированія, съ одной стороны, а не знаніе условій жизни русскаго пролетаріата — съ другой. Во всемъ остальномъ у насъ полное согласіе, и это разногласіе не помѣшаетъ намъ вмѣстѣ работать...

Вашъ Г.

Отвѣтъ на брошюру Аксельрода: „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ социальдемократовъ“.

Въ 1885 году Группа Освобожденія Труда издала „Проэктъ программы русскихъ социальдемократовъ“.

Проэктъ этотъ перепечатанъ теперь въ видѣ приложенія къ двумъ письмамъ г. Аксельрода, одного изъ членовъ Группы Освобожденія Труда, корорыя также посвящены програмнымъ вопросамъ.

Появленіе этой брошюры: „Къ вопросу о современныхъ задачахъ и тактикѣ русскихъ социальдемократовъ“, обязываетъ практическихъ дѣятелей русскаго рабочаго движенія обратить специальное вниманіе на програмно-тактическіе вопросы и перейти наконецъ отъ проэктовъ программы къ самой программѣ, тѣмъ болѣе, что программа Группы Освобожденія Труда кладетъ свою печать на издаваемую заграницей русскими социальдемократами литературу. Группа Освобожденія Труда состоитъ редакторомъ этихъ изданій. Въ случаѣ несоотвѣтствія программы группы съ современными нуждами и задачами рабочаго движенія послѣднее оказалось бы лишеннымъ нужной ему литературы.

Группа Освобожденіе Труда оказала серьезныя услуги русскому рабочему движенію*)...

Но теперь обстоятельства нѣсколько измѣнились. Намъ приходится считаться теперь не съ интеллигенціей, стремящейся найти матеріальную силу для осуществленія своихъ плановъ, а съ существующимъ рабочимъ движеніемъ, выработавшимъ свои формы, свои

*) Здѣсь авторъ дѣлаетъ намъ нѣсколько комплиментовъ, которые мы опускаемъ, такъ сказать за ненадобностью.

ближайшія задачи, свою литературу, наконецъ, свою программу и тактику. Программа годная для интеллигентовъ, идущихъ „къ рабочимъ", не годна для самихъ рабочихъ, защищающихъ свои „самодовлѣющіе интересы", какъ экономическіе и интеллектуальные, такъ и правовые и политическіе. А вѣдь въ этой защитѣ интересовъ рабочихъ, какого бы они характера не были, все содержаніе рабочаго движенія. Мы думаемъ, поэтому, что проэктъ программы Группы Освобожденія Труда 1885 года не можетъ стать программой русскаго рабочаго движенія. Жизнь переросла этотъ проэктъ. Условія мѣста, заграница, и времени, 1885 г., наложили на него столь рѣзкую печать, что онъ не соотвѣтствуетъ состоянію рабочаго движенія въ Россіи въ 1898 г.

Въ самомъ дѣлѣ: программа эта выработана Группой Освобожденія Труда въ то время, когда объ организованномъ рабочемъ движеніи въ Россіи не было и рѣчи. Свое первое письмо Аксельродъ начинаетъ словами: „Скоро будетъ 15 лѣтъ какъ родилась русская соціальдемократія. Но не въ самой Россіи, въ пылу героической борьбы революціонной партіи съ правительствомъ, а среди маленькой группы эмигрантовъ". Столь неестественное рожденіе русской рабочей партіи на свѣтъ божій — внѣ Россіи, среди эмигрантовъ — очень характерно. Оно показываетъ, что русское революціонное движеніе переживало въ то время острый кризисъ. Отпечатокъ этого кризиса мы находимъ и въ программѣ Группы Освобожденія Труда. А именно: программа эта, по словамъ Аксельрода, явилась отвѣтомъ на вопросъ: „откуда взять силы для возобновленія борьбы съ самодержавіемъ и какъ вести эту борьбу съ наибольшими шансами на побѣду?" (стр. 4). Вотъ отвѣтъ: „Образованіе рабочей революціонной партіи, первой задачей которой должно быть низверженіе абсолютизма" (стр. 4). Другими словами: не въ интересахъ рабочаго класса центръ тяжести всей программы, а въ русской революціи и самый „проэктъ программы" не есть программа рабочаго движенія, а программа продолжающагося движенія среди русской революціонно-демократической интеллигенціи.

Конечно, обстоятельство это еще вовсе не обочначаетъ принесенія въ жертву пролетаріата „другимъ общественнымъ силамъ", интеллигенція не представляетъ собой общественной силы; тѣмъ не менѣе оно заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія. „Политическая организація рабочихъ мотивируется здѣсь не самодовлѣющими интересами пролетаріата и не отдаленными цѣлями соціализма, а настоятельной необходимостью такой организаціи для ближайшихъ обще-демократическихъ интересовъ русскаго революціоннаго движенія, для обезпеченія революціонерамъ успѣха въ борьбѣ противъ современнаго государства за интересы трудящагося класса вообще, то есть и крестьянскихъ массъ, и городскихъ рабочихъ. . . . Несомнѣнно то, что для этой группы мысль объ организаціи рабочей партіи въ Россіи тѣснѣйшимъ образомъ связывалась съ политическими и соціальными тенденціями и задачами воодушевлявшими и воодушевляющими всѣ демократическіе элементы нашей интеллигенціи" (стр. 9). Для Группы Освобожденія Труда *мысль* о рабочемъ движеніи въ Россіи тѣснѣйшимъ образомъ связывалась съ революціонными традиціями демократической интеллигенціи. Ну, а для рабочихъ?

Итакъ въ интересахъ трудящагося класса, помощью трудящагося класса — и цѣль, и средства черпаются, слѣдовательно, въ рабочемъ классѣ, но посредникомъ между цѣлью и средствомъ все же остается демократическая интеллигенція, русскіе революціонеры, которые по собственному усмотрѣнію опредѣляютъ нужды рабочаго класса, которые по собственной иниціативѣ предпринимаютъ организацію этого класса. Очевидно формула интеллигенціи, все для рабочихъ и все черезъ посредство рабочихъ, не вполнѣ совпадаетъ съ тезисомъ: „*Освобожденіе рабочаго класса должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ*". Послѣдняя формула предполагаетъ среди рабочихъ иниціативу и пониманіе своихъ собственныхъ нуждъ и задачъ. Напротивъ Аксельродъ игнорируетъ сознаніе рабочихъ и ихъ иниціативу. Именно въ силу этого обстоятельства могло произойти то, что Группа Освобожденія Труда раньше опредѣлила цѣль, низверженіе самодержавія, и лишь послѣ обратилась къ средству, пролетаріату. Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло формулировано въ программѣ и письмахъ Аксельрода. Несомнѣнно ближайшимъ-же послѣдствіемъ подобной постановки задачъ рабочаго движенія будутъ возмущенія рабочихъ противъ „ига интеллигентовъ" и выступленіе „рабочей мысли" въ защиту своей самостоятельности отъ опеки интеллигенціи.

Между прочимъ, то обстоятельство, что для нашихъ русскихъ товарищей центральнымъ пунктомъ программы являются „самодовлѣющіе интересы пролетаріата", а не низверженіе абсолютизма, служитъ для Аксельрода поводомъ обвинить ихъ въ политическомъ индифферентизмѣ. Мы думаемъ, что такое обвиненіе неоснова-

тельно. Неосновательно оно потому, что русскимъ товарищамъ на практикѣ волей-неволей приходится считаться съ тою ступенью сознанія рабочими своихъ интересовъ, которое въ дѣйствительности уже достигнуто различными группами рабочаго класса въ Россіи. Всякій практическій дѣятель долженъ строить свою агитацію *на нуждахъ „дѣйствительно ощущаемыхъ рабочимъ классомъ"*, *на интересахъ „сознанныхъ данной мѣстностью"**). Исторія дѣлается массами**), поэтому сознаніе только массъ является историческимъ факторомъ***). Таковъ принципъ, лежащій въ основѣ такъ называемой „экономической агитаціи", исходящей изъ повседневныхъ нуждъ, уже сознанныхъ рабочимъ классомъ. Этотъ принципъ экономической агитаціи составляетъ для Аксельрода „аксіому, истину, не требующую доказательствъ и распространяться о которой значило бы оскорблять развитого читателя" (стр. 26). Разъ принципъ построенія агитаціи на сознанныхъ рабочими интересахъ является такой аксіомой, то не обусловливается ли спеціализація русскихъ соціальдемократовъ на экономическихъ вопросахъ *содержаніемъ сознанія русскихъ рабочихъ?* Въ этомъ случаѣ объ индифферентизмѣ не можетъ быть и рѣчи; напротивъ, приходится удивляться пониманію и выдержкѣ рус-

---

*) Аксельродъ.

**) Плехановъ.

***) Спѣшимъ оговориться, — мы говоримъ объ организованномъ рабочемъ движеніи, сознательно преслѣдующемъ опредѣленныя цѣли, а не о стихійномъ движеніи массъ, разрушающемъ существующее изъ за его отрицательныхъ сторонъ, но не имѣющемъ въ виду опредѣленныхъ цѣлей; мы не строимъ исторической схемы, а беремъ одинъ факторъ исторіи — организованное рабочее движеніе.

скихъ товарищей, съумѣвшихъ, несмотря на ужасныя политическія условія, сохранить въ себѣ чувство мѣры. Только эта сдержанность и выдержка позволила нашимъ русскимъ товарищамъ явиться истинными помощниками рабочихъ въ ихъ борьбѣ, въ ихъ защитѣ своихъ интересовъ.

А о томъ, что тактика русскихъ товарищей увѣнчалась полнымъ успѣхомъ, свидѣтельствуетъ самъ Аксельродъ. Онъ разсказываетъ намъ, какъ молодые соціальдемократы начали съ того, что понесли въ рабочую среду ученія Маркса, съ твердымъ намѣреніемъ подготовить тамъ элементы для будущей рабочей партіи. Въ серединѣ 90-хъ годовъ въ кругу марксистской молодежи и спропагандированныхъ рабочихъ накопилось уже столько активныхъ (рабочихъ) силъ, что оказалось возможнымъ перейти къ агитаціи въ массахъ. На первыхъ порахъ она приняла одностороннюю форму поддержки и организаціи одной лишь экономической борьбы. Такимъ образомъ русскіе соціальдемократы изъ мирныхъ пропагандистовъ, просвѣтителей, превратились въ живую, активную, революціонную силу. Стачечное движеніе, въ свою очередь, въ какіе-нибудь два года поставило зашевелившіеся рабочіе слои лицомъ къ лицу съ самодержавнымъ правительствомъ и успѣло уже выдвинуть предъ ними вопросъ о политическихъ правахъ (стр. 12, 13, 18, 19). Несомнѣнно, эта тактика русскихъ соціальдемократовъ родилась не изъ ихъ головъ: она коренилась въ самой дѣйствительности. Въ этой дѣйствительности были и силы, и средства необходимыя для выполненія тѣхъ задачъ, которыя выдвигались на очередь соціальдем. Существуютъ-ли въ русской дѣйствительности силы и

средства для примѣненія тактики рекомендуемой Группой Освобожденія Труда? Въ проэктѣ Группы Освобожденія Труда сказано: „Борьба противъ самодержавія обязательна даже для тѣхъ рабочихъ кружковъ, которые представляютъ собою зачатки будущей русской рабочей партіи... Организаціи эти не довольствуясь частными столкновеніями съ правительствомъ, не замедлятъ перейти въ удобный моментъ, къ общему рѣшительному на него нападенію“. И такъ, немедленная, непрестанная борьба съ русскимъ самодержавіемъ! Неправда-ли, какъ много „путей“ и „силъ“ предлагаетъ намъ русская дѣйствительность для веденія этой борьбы?

Намъ кажется, главный недостатокъ программы Группы Освобожденія Труда состоитъ въ томъ, что въ ней слишкомъ много вниманія обращено на внѣшнія отношенія пролетаріата, главнымъ образомъ къ правительству, и совершенно не приняты во вниманіе его внутреннія отношенія: степень развитія въ немъ организацій, сознаніе своихъ интересовъ и пр., т. е., не приняты во вниманіе „самодовлѣющіе интересы“ пролетаріата. Объясняется это обстоятельство происхожденіемъ программы Группы Освобожденія Труда изъ революціонныхъ традицій русской интеллигенціи.

Между тѣмъ, дѣятельность полководца и дипломата лишь тогда и въ той мѣрѣ можетъ имѣть успѣхъ, когда и въ какой мѣрѣ за нимъ стоитъ реальная сила. Такой *реальной силой* въ рабочемъ движеніи является степень сознанія рабочимъ классомъ своихъ интересовъ и степень его организованности. Но сознаніе это такъ же какъ и организованность не случайныя или произвольныя вещи. Сознаніе массою или отдѣльными

группами рабочаго класса своихъ интересовъ развивается по опредѣленнымъ законамъ, въ зависимости *отъ полноты и содержанія соціальнаго опыта массъ.* Жизнь постоянно ставитъ передъ сознаніемъ рабочихъ все новые и новые интересы. Совокупность общественныхъ отношеній—экономическихъ, правовыхъ, политическихъ etc. — опредѣляетъ какіе интересы *могутъ быть* у рабочихъ, но не опредѣляетъ, какіе интересы уже сознаны рабочими и вошли въ ихъ жизнь. Съ помощью соціальнаго опыта, житейской практики etc., сознаніе рабочихъ массъ постоянно нагоняетъ реальныя общественныя отношенія, никогда не отожествляясь съ ними. Поэтому то намъ и приходится дѣлать столь рѣшительное и коренное различіе между интересами, которые „мы“ (интеллигенты) приписываемъ рабочимъ, и интересами, дѣйствительно имѣющимися у нихъ. Развиваясь въ зависимости отъ условій мѣста и времени, сознаніе массъ дѣлаетъ безплодными всѣ попытки насиловать естественный ходъ развитія рабочаго движенія*). На извѣстной ступени своего разви-

*) Доказательствомъ въ пользу этого тезиса служитъ, между прочимъ, судьба программы 1885 г. Прошло 13 лѣтъ со времени появленія ея на свѣтъ, — русское рабочее движеніе развивалось, крѣпло и шло своимъ путемъ, совершенно игнорируя ея существованіе. Такимъ образомъ, программа эта подверглась самой суровой изъ всѣхъ возможныхъ критикъ: критикѣ исторіи. Теперь, черезъ 13 лѣтъ, намъ снова предлагаютъ ее, ни іоты не убавивъ. Неужели-же за эти 13 лѣтъ такъ таки и не произошло никакихъ измѣненій ни въ русской жизни, ни въ самомъ рабочемъ движеніи? Или оно до сихъ поръ представляетъ собою quantité negligeable? Можно сказать, конечно, что „тѣмъ хуже“ для движенія, игнорирующаго эту программу; но и послѣ такого осужденія оно едва ли все таки измѣнитъ свою тактику...

тія оно ставитъ вопросъ о *политической революціи.* Такимъ образомъ, *низверженіе самодержавія относится къ самодовлѣющимъ интересамъ рабочаго класса какъ частное, временное—къ общему постоянному.* Несомнѣнно русское рабочее движеніе чревато политической революціей. Но вопросъ не въ томъ богато ли оно при современномъ строѣ русской жизни политическими задачами, а въ томъ, на какой ступени его развитія задачи эти могутъ быть внесены въ его программу, могутъ быть *реализованы,* другими словами, когда для разрѣшенія ихъ созрѣетъ въ немъ матеріальная сила? Тѣмъ болѣе у насъ основаній быть терпѣливыми, что до сихъ поръ развитіе рабочего движенія въ Россіи шло крайне успѣшно.

Столь же закономѣрно развиваются и рабочія организаціи. Ихъ развитіе означаетъ ростъ сознанія *общности* интересовъ, сознанія, приводящаго къ *совмѣстной* защитѣ своихъ правъ. Подобно сознанію содержанія своихъ интересовъ, сознаніе ихъ общности, выражающейся въ той или иной организаціи, развивается закономѣрно, въ зависимости отъ всей совокупности окружающихъ условій. На западѣ боевыя политическія и экономическія организаціи были подготовлены мирными организаціями. Кассы борьбы развились изъ обществъ взаимопомощи. Рядомъ съ обществами взаимопомощи различныя товарищества (производительныя, потребительныя), образовательныя общества и общества развлеченія (главнымъ образомъ музыкальныя) воспитали въ рабочемъ классѣ способность къ участію въ обществахъ, союзахъ, организаціяхъ. Всѣ эти типы организацій процвѣтали и процвѣтаютъ среди ремесленниковъ. Когда развитіе производительныхъ отноше-

нiй привело къ капиталистической эксплуатацiи наемнаго труда, рабочiе уже имѣли привычку дѣйствовать сообща. Возникновенiе новаго интереса, борьбы съ предпринимателями, привело къ его удовлетворенiю тоже „сообща“. Этотъ, такъ сказать, организацiонный духъ ремесленныхъ массъ, попавшихъ въ капиталистическую эксплуатацiю, составляетъ одинъ изъ главныхъ факторовъ современнаго рабочаго движенiя. За мирными организацiями и союзами борьбы послѣдовали политическiя органiзацiи, въ которыхъ опять-таки первое мѣсто принадлежитъ бывшимъ ремесленникамъ, „обученнымъ“ рабочимъ. Съ другой стороны масса необученныхъ чернорабочихъ, отцы и дѣды которыхъ эмигрировали изъ деревень на фабрики и въ копи до сихъ поръ являются на западѣ преимущественно неорганизованной, стихiйной массой, неспособной къ той выдержанной защитѣ своихъ интересовъ, которую мы находимъ у обученныхъ. Постепенное, медленное, но непрерывное развитiе среди нихъ мирныхъ организацiй — обществъ взаимопомощи, развлеченiя, потребительныхъ и образовательныхъ — обѣщаетъ въ будущемъ и изъ этихъ необученныхъ рабочихъ сдѣлать столь же надежныхъ солдатъ армiи пролетарiата, какими являются въ данное время потомки ремесленниковъ. Всякая организацiя важна, но особенно важны мирныя организацiи, захватывающiя всѣ стороны жизни рабочаго, прiучающiя его къ исполненiю общественныхъ обязанностей, каждодневно заставляющiя его поступать „сообща“ съ товарищами. Боевыя же организацiи захватываютъ рабочаго крайне односторонне и крайне рѣдко — лишь въ моменты боевого возбужденiя. Поэтому воспитательная роль боевыхъ организацiй не

можетъ сравниться, въ этомъ отношенiи, съ воспитательною ролью мирныхъ.

А что представляетъ собою, въ отношенiи сознанiя, русскiй пролетарiатъ? Вотъ мнѣнiе Аксельрода: „Начавши недавно только выдѣляться изъ закрѣпощеннаго государству, мало-культурнаго крестьянства онъ и теперь еще въ массѣ слишкомъ глубоко тонетъ въ общенародномъ варварствѣ и невѣжествѣ, чтобы быть въ состоянiи, въ тискахъ абсолютизма—совершенно самостоятельно, безъ всякой посторонней поддержки подняться на высоту революцiонной силы“. Далѣе онъ говоритъ о „современной низкой ступени интеллектуальнаго и культурнаго развитiя народныхъ массъ въ Россiи“ („О тактикѣ“, стр. 15-16). „У рабочаго класса слишкомъ мало политическихъ знанiй и опыта, съ одной стороны, и легальныхъ точекъ опоры для коллективной самодѣятельности, съ другой“ (Neue Zeit 1897-98, № 31, стр. 147). Можно ли этотъ рабочiй классъ, глубоко тонущiй въ общенародномъ варварствѣ и невѣжествѣ, стоящiй на низкой ступени интеллектуальнаго и культурнаго развитiя, не имѣющiй политическихъ знанiй и опыта—звать на борьбу съ абсолютизмомъ? Признаемся, мы не понимаемъ логической связи между сужденiемъ Аксельрода о русскихъ рабочихъ, и той программой, которую онъ *имъ* предлагаетъ.

Однако перейдемъ изъ области мнѣнiй въ область дѣйствительности. Существуютъ-ли въ нашемъ рабочемъ движенiи проявленiя, указывающiя, что въ рабочемъ классѣ уже теперь имѣются силы, съ которыми можно было-бы начать политическую борьбу? Чтобы можно было отъ „односторонней“ экономической агитацiи перейти къ агитацiи политической, къ нападенiю

на абсолютизмъ? Мы видимъ, что такихъ проявленій нѣтъ и думаемъ, что политическая борьба можетъ быть лишь тогда включена въ программу русской соціальдемократіи, когда въ ея распоряженіи будутъ находиться *силы* и *средства* для этой борьбы, когда политическая борьба явится *потребностью, „дѣйствительно ощущаемой рабочимъ классомъ“, интересомъ, „сознаннымъ данной мѣстностью“*. Иначе ея программа относилась-бы къ области фантазіи, но не дѣйствительности. Программа-же должна быть выраженіемъ того, что мы дѣлаемъ и должны дѣлать, а не того, о чемъ мы мечтаемъ.

Во избѣжаніе недоразумѣній спѣшимъ оговориться. Вышесказанное можетъ быть понято въ томъ смыслѣ, что русскіе соціальдемократы должны перестать касаться политическихъ вопросовъ въ своей пропагандѣ. Подобное толкованіе нашихъ словъ ошибочно.

Дѣло въ томъ, что мы должны самымъ рѣшительнымъ образомъ различать *содержаніе нашей программы* отъ *содержанія нашей агитаціи*. Пропаганда имѣетъ своей цѣлью расширеніе кругозора пропагандируемыхъ лицъ, сообщеніе имъ новыхъ свѣдѣній, способныхъ повысить уровень ихъ интересовъ, потребностей. Помощью пропаганды мы развиваемъ сознаніе своихъ интересовъ у пропагандируемыхъ; мы приближаемъ это сознаніе къ реально-существующимъ общественнымъ отношеніямъ. Изъ этого слѣдуетъ, конечно, что пропаганда фантастическихъ интересовъ, не соотвѣтствующихъ общественнымъ отношеніямъ, никогда не можетъ быть успѣшна. Интеллигентъ и образованный рабочій полезны массѣ (какъ пропагандисты) лишь по стольку, по скольку они помогаютъ ей своими знанія-

ми разобраться въ окружающемъ, въ существующихъ отношеніяхъ. Но и пропаганда интересовъ, базирующихся въ реальныхъ общественныхъ отношеніяхъ, не всегда успѣшна: пропаганда есть лишь одинъ изъ факторовъ, развивающихъ сознаніе рабочимъ своихъ интересовъ; это сознаніе развивается закономѣрно въ зависимости не отъ одной лишь пропаганды, а главнымъ образомъ отъ личнаго жизненнаго опыта рабочаго. Сознаніе рабочихъ не тѣсто, лѣпить изъ котораго „мы“ (интеллигенты) призваны по собственному образу и подобію. „Мы“ и „наши“ усилія могутъ лишь дополнять то, чему учитъ рабочаго жизнь.

Напротивъ, въ агитаціи мы исходимъ изъ потребностей, уже существующихъ у агитируемыхъ лицъ, изъ интересовъ, уже сознанныхъ, ощущаемыхъ ими. Роль агитатора сводится не къ доказательству того, что положеніе данной личности можетъ быть улучшено;—это дѣло пропагандиста; дѣло-же агитатора — *указать пути и средства* человѣку, уже знающему, что ему нужно. Агитаторъ пользуется недовольствомъ, существующимъ въ массѣ, и указываетъ ей *практическіе пути* для достиженія желанной цѣли. Агитаторъ, такъ сказать, придаетъ опредѣленную форму существующему недовольству или уже возникшему протесту. Характерна въ этомъ отношеніи лѣтняя стачка 1896 г. въ Петербургѣ. Она началась 22-го мая, первыя-же прокламаціи появились 30-го. Рабочіе сами писали и распространяли листки; — рукописные листки, переписанные въ нѣсколькихъ экземплярахъ, съ большимъ успѣхомъ гуляли по рукамъ; въ другихъ случаяхъ рабочіе приносили къ агитаторамъ для печати листокъ уже написанный ими самими, или же доставляли свѣдѣнія, прося

по нимъ составить листокъ. Словомъ, вся иниціатива протеста исходила изъ рабочихъ массъ, а агитаторамъ оставалось лишь дать опредѣленную форму существующему (въ другихъ случаяхъ готовящемуся) протесту. И таково всегдашнее положеніе агитатора.

Такимъ образомъ, задача пропагандиста—довести людей до сознанія своихъ интересовъ; задача агитатора —-указать людямъ путь для удовлетворенія уже сознанныхъ ими нуждъ. Мы настаиваемъ на этомъ различіи потому, что игнорированіе его ведетъ постоянно къ такому смѣшенію понятій, при которомъ невозможно мало-мальски успѣшное обсужденіе програмныхъ и тактическихъ вопросовъ. Что-же касается даннаго частнаго случая, то очерченное различіе между пропагандой и агитаціей приведетъ насъ по вопросу о политической дѣятельности русской соціальдемократіи къ слѣдующимъ соображеніямъ.

Уже съ 1896 г. существующіе въ Россіи „Союзы борьбы за освобожденіе рабочаго класса“ ведутъ энергичную политическую пропаганду. Пропаганда эта, возникшая съ самымъ скромнымъ содержаніемъ политическихъ требованій, растетъ въ ширину и въ глубину. Обстоятельство это показываетъ, что въ рабочемъ классѣ уже существуетъ почва для политической пропаганды. Но до сихъ поръ въ Россіи не было ни одного случая борьбы рабочихъ за нужныя имъ политическія права. Русская соціальдемократія до сихъ поръ даже не ставила вопроса о томъ, *какими средствами могутъ бороться рабочіе* за свои политическія права. Средства эти до сихъ поръ не указывались рабочимъ, да и гдѣ же эти средства, наконецъ? На Западѣ строили баррикады, устраивали манифестаціи и политическія стачки,

подавали петиціи, — которое же изъ этихъ средствъ предлагаетъ Группа Освобожденія Труда современному пролетаріату въ современной Россіи? Трудно относиться серьезно къ практическому предложенію, умалчивающему о самомъ главномъ, —о матеріальной силѣ, которая способна осуществить его, и о путяхъ, которыми оно можетъ быть осуществимо. Что касается матеріальной силы, то мы знаемъ, что она „глубоко тонетъ въ общенародномъ варварствѣ и невѣжествѣ“. Что касается путей, то о нихъ Аксельродъ упорно молчитъ. Этимъ онъ лишаетъ насъ возможности проникнуться глубиной его мысли. Но мы совершенно въ правѣ сдѣлать выводъ, что до сихъ поръ никто не обсуждалъ серьезно средствъ *прямой* борьбы съ абсолютизмомъ, не говоря уже объ указаніи этихъ средствъ рабочимъ.

Слѣдовательно, до сихъ поръ въ Россіи не было политической агитаціи, и мы полагаемъ, что для нея пока еще нѣтъ въ Россіи мѣста. (Мы не говоримъ, конечно, о стихійной революціи, которой никто не можетъ заранѣе „подготовлять“; мы говоримъ лишь о планомѣрной, организованной борьбѣ). Сколько времени пройдетъ еще до того момента, когда отъ политической пропаганды мы сможемъ перейти къ политической агитаціи? Мы этого не знаемъ. Быть можетъ моментъ этотъ наступитъ черезъ годъ, быть можетъ, черезъ 10 лѣтъ. Но несомнѣнно, что въ данную минуту никто изъ практическихъ дѣятелей движенія серьезно не думаетъ о политической агитаціи и не считаетъ ее своевременной (см. случай съ манифестаціей по поводу смерти Вѣтровой. Мнѣніе Кіевскаго Союза Борьбы).

Можемъ-ли мы, при такомъ положеніи дѣлъ вносить

въ нашу программу прямую борьбу съ самодержавіемъ? Намъ кажется, что нѣтъ. У насъ есть теперь рабочее движеніе, но оно не носитъ еще политическаго характера. Первое понятіе — рабочее движеніе и по объему, и по содержанію шире второго — политическаго рабочаго движенія. При конституціонномъ образѣ правленія, когда каждый гражданинъ имѣетъ право и обязанъ участвовать въ выборѣ депутатовъ въ законодательное собраніе, — рабочее движеніе неизбѣжно носитъ политическій характеръ. Конечно, мы здѣсь подразумѣваемъ страны со всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Другое дѣло страны съ самодержавнымъ образомъ правленія или высокимъ избирательнымъ цензомъ. Тамъ рабочее движеніе на первыхъ ступеняхъ своего развитія не носитъ политическаго характера. Лишь по мѣрѣ развитія въ странѣ политической жизни, по мѣрѣ роста успѣховъ политической пропаганды и экономической борьбы въ рабочихъ массахъ, рабочее движеніе начинаетъ принимать политическій характеръ. Поэтому, чѣмъ свободнѣе страна, тѣмъ скорѣе рабочее движеніе становится въ ней политическимъ, чѣмъ деспотичнѣе страна, чѣмъ слабѣе развита въ ней политическая жизнь, тѣмъ дольше рабочее движеніе лишено политическаго характера. Объясняется это тѣмъ, что въ политически-развитыхъ странахъ рабочіе, непосредственно-участвуя въ политической жизни страны, скорѣе приходятъ къ сознанію своихъ политическихъ интересовъ и къ прямой ихъ защитѣ, тогда какъ въ странахъ, политически отсталыхъ, отсутствіе политической жизни во всѣхъ ея формахъ лишаетъ ихъ возможности непосредственно защищать свои политическія права. Конечно, въ этихъ политиче-

ски отсталыхъ странахъ политическая пропаганда можетъ начаться очень рано, и само самодержавное правительство съ его жандармскимъ режимомъ всегда является лучшимъ пропагандистомъ политическихъ идей, но въ то время, какъ въ передовыхъ, свободныхъ странахъ политическая пропаганда, благодаря условіямъ политической жизни, почти немедленно переходитъ въ политическую агитацію, въ *политическія дѣйствія*, въ деспотическихъ странахъ, политическая агитація, благодаря отсутствію какихъ бы то ни было формъ проявленія политической жизни, не можетъ такъ непосредственно слѣдовать за политической пропагандой. Когда въ нашемъ рабочемъ движеніи назрѣютъ силы для политической борьбы, онѣ не замедлятъ проявить себя и указать агитатору, что его роль должна начаться. „Напасть“ на самодержавіе можно всегда, даже и не сообразуясь съ имѣющимися на лицо силами и средствами. Но къ чему приведетъ это „нападеніе“? Много-ли труда нужно будетъ употребить самодержавію, чтобы раздавить дерзкихъ смѣльчаковъ?*) А

*) Аксельродъ, кажется, думаетъ иначе. Онъ полагаетъ, что нѣсколько тысячъ петербургскихъ рабочихъ съ кучкой энергичныхъ революціонеровъ во главѣ могли бы низвергнуть самодержавіе: „Будь у насъ теперь серьезная организація энергическихъ революціонеровъ (въ родѣ „народовольческой“ или „Земли и Воли“), пріобрѣвшая популярность въ средѣ хотя бы нѣсколькихъ тысячъ петербургскихъ рабочихъ, она имѣла бы больше шансовъ на успѣхъ въ военномъ столкновеніи съ правительствомъ, чѣмъ соціальная демократія въ Германіи“ (Соц. дем. кн. 4. стр. 26). Между прочимъ. То обстоятельство, что въ рабочемъ движеніи мы не встрѣчаемъ такихъ „серьезныхъ организацій“, годныхъ для военнаго нападенія, показываетъ, что рабочее движеніе есть движеніе массовое, не укладывающееся въ рамки комплота или заговора.

всякая неудавшаяся попытка политической борьбы задерживаетъ накопленіе революціонныхъ силъ. Мы не имѣемъ права строить планы своей агитаціи на „догадкахъ“ о томъ, что такія силы существуютъ. Назрѣвшую въ рабочемъ классѣ потребность въ политическихъ правахъ и готовность его выступить на борьбу съ правительствомъ нельзя ни спрятать, ни просмотрѣть. Она должна въ той или иной формѣ вылиться наружу и показать, что моментъ перехода отъ политической пропаганды къ политической агитаціи наступилъ.... Подобно тому, какъ экономическая агитація началась лишь тогда, когда въ рабочей массѣ *самопроизвольно* (безъ непосредственнаго участія интеллигентовъ) началось стачечное движеніе, такъ и политическая агитація можетъ быть начата лишь тогда, когда сами рабочіе самопроизвольно (безъ революціонной бациллы—интеллигенціи) начнутъ борьбу съ самодержавіемъ. Поступая иначе, мы дадимъ русскому правительству крупный поводъ выхватывать изъ нашей среды лучшія силы, столь необходимыя для роста и развитія рабочаго движенія. *Мы должны не допускать попытокъ безпочвенной политической агитаціи точно такъ-же, какъ мы избѣгаемъ провокаторовъ.*

Такимъ образомъ, интересы самой русской революціи заставляютъ насъ пока ограничиваться политической пропагандой, избѣгая всѣми силами политической агитаціи*).

Слѣдовательно, въ программѣ русскихъ социальдемократовъ, соотвѣтствующей дѣйствительной жизни, не

*) Мы говоримъ объ организованной, а не стихійной борьбѣ, въ которой нѣтъ мѣста агитатору.

можетъ быть мѣста прямой политической борьбѣ съ самодержавіемъ. Въ ней есть мѣсто только политической пропагандѣ. Въ интересахъ будущей политической борьбы мы должны всѣми силами избѣгать ея пародіи въ настоящемъ.

Намъ могутъ возразить, что это—утопія. Отказъ отъ политической борьбы означаетъ отказъ отъ рабочаго движенія вообще. При русскомъ самодержавномъ правительствѣ невозможно никакое рабочее движеніе, невозможны никакія серьезныя улучшенія въ быту рабочихъ (Задачи рабочей интеллигенціи въ Россіи, стр. 11), слѣдовательно, чтобы сдѣлать возможнымъ рабочее движеніе, мы должны низвергнуть самодержавіе*).

Впрочемъ это опровергается успѣхами, достигнутыми русскимъ рабочимъ движеніемъ.

Стачечное движеніе дало намъ улучшеніе матеріальнаго положенія рабочихъ, фабричное законодательство, боевыя организаціи въ рабочемъ классѣ. Мирныя, легальныя и нелегальныя, организаціи ростутъ съ каждымъ годомъ. Наконецъ, всѣ усилія самодержавнаго правительства не могутъ уничтожить политической пропаганды.

Болѣе того: всѣ эти формы дѣятельности пролетаріата, не представляя изъ себя непосредственной борьбы съ самодержавіемъ, *косвенно* являются ею и носятъ, слѣдовательно, политическій характеръ, in zweiter Linie, какъ говорятъ нѣмцы. Въ самомъ дѣлѣ: простой ростъ числа мирныхъ организацій создаетъ для рабочихъ постепенно обычное право участвовать въ нихъ.

*) Аргументъ, выставляемый послѣдовательно всѣми фракціями русской революціонной интеллигенціи, борящейся за улучшеніе положенія того или другого слоя „трудящагося класса“.

Частое повтореніе стачекъ лишаетъ силы существующее въ русскомъ сводѣ законовъ запрещеніе ихъ. Политическая пропаганда, выражающаяся главнымъ образомъ въ распространеніи нелегальныхъ изданій, дѣлаетъ безсильнымъ существующія запрещенія свободы печати. Наконецъ, всѣ виды самодѣятельности рабочихъ подготовляютъ постепенно свободу собраній и слова. Въ этомъ отношеніи особенно любопытны массовыя собранія рабочихъ въ подгородныхъ рощахъ и лѣсахъ. Такимъ образомъ, практика современнаго рабочаго движенія выводитъ изъ употребленія многія ограниченія свободы, существующія въ русскомъ сводѣ законовъ. Для иллюстраціи нашихъ словъ приведемъ 2-3 примѣра изъ исторіи рабочаго движенія въ Петербургѣ. Примѣры эти наглядно показываютъ, какъ измѣняется поведеніе правительственныхъ органовъ подъ вліяніемъ рабочаго движенія. Во время стачки 1896 г. министръ финансовъ Витте запретилъ фабрикантамъ уступать требованіямъ рабочихъ, обѣщая покрыть ихъ убытки изъ казенныхъ средствъ. Во время январской стачки 1897 г., грозившей принять размѣры лѣтней, министръ финансовъ не запрещалъ уже болѣе фабрикантамъ дѣлать уступки стачечникамъ. Во время лѣтней стачки, именно 7-го іюня, околодочные въ сопровожденіи городовыхъ и дворниковъ врывались въ квартиры рабочихъ и стаскивали съ постелей рабочихъ и работницъ, чтобы вести ихъ на фабрику „работать". Рабочіе прятались, куда могли (на чердаки, въ погреба), запирались въ своихъ квартирахъ и не пускали полицію. А тотчасъ-же послѣ стачки петербургскій градоначальникъ издалъ новыя правила полицейской службы, въ которыхъ значится: „помощь полиціи появляется только тогда, когда въ ней нуждаются, въ опредѣленныхъ въ законѣ случаяхъ, а иначе, она будетъ беззаконнымъ вмѣшательствомъ въ чужія дѣла.... Въ этихъ случаяхъ полицейскій чинъ нарушилъ бы святость и неприкосновенность домашняго очага, могъ быть безнаказанно выгнанъ изъ дома".

Конечно, всѣ эти уступки правительства не представляютъ еще собою конституціи. Уступки эти носятъ чисто мѣстный характеръ, распространяются лишь на наиболѣе энергично-защищающихъ свои интересы рабочихъ. Съ другой стороны, уступки эти—временныя, потому что какъ только ослабѣетъ сила сопротивленія рабочихъ, онѣ будутъ взяты назадъ. Законъ долженъ распространить эти уступки на весь рабочій классъ и закрѣпить ихъ за рабочими. Мы не преувеличиваемъ значенія этихъ уступокъ, но и не умаляемъ его. *Онѣ подготовляютъ почву для измѣненія всего государственнаго строя Россіи.*

Такимъ образомъ, въ то время какъ Группа Освоб. Труда со всею существующей у ней энергіей стремится къ прямой борьбѣ съ правительствомъ, — наши русскіе товарищи, „индифферентно" относящіеся къ политикѣ, давно уже ведутъ косвенную борьбу съ самодержавіемъ. Въ этой борьбѣ нѣтъ громкихъ побѣдъ, нѣтъ шумныхъ сраженій; это работа крота, подрывающагося подъ самыя основы существующагося политическаго строя. На чьей-же сторонѣ должны быть справедливыя симпатіи: на сторонѣ ли полководца безъ арміи, незнающаго путей, ведущихъ къ желанной цѣли и безъ устали размахивающаго въ теченіи полутора десятка лѣтъ *бумажнымъ мечемъ*, или на сторонѣ незамѣтныхъ тружениковъ, безъ шума и блеска дѣлаю-

щихъ изо дня въ день нужное дѣло, которое подсказываетъ имъ жизнь?

Резюмируемъ. Послѣ пораженія Народной Воли для русской революціонной интеллигенціи наступилъ кризисъ. Былъ поставленъ вопросъ: „откуда взять силы для возобновленія борьбы съ самодержавіемъ? Какъ вести эту борьбу съ наибольшими шансами на побѣду?“ Отвѣтомъ на эти вопросы и явилась программа Группы Освобожденія Труда 1885 года. Она обратила вниманіе русской демократической интеллигенціи на рабочій классъ. Въ этомъ великая заслуга Группы Освобожденія Труда. Конечно, программа эта, писанная для интелигентовъ, стремящихся заняться рабочимъ вопросомъ, не годна была для самихъ рабочихъ, защищающихъ свои интересы. Поэтому она не привилась въ Россіи. Возникшее въ концѣ 80-хъ годовъ организованное движеніе среди рабочихъ шло помимо этой программы, игнорируя ея существованіе. Вотъ причины этого игнорированія: 1) программа Группы Освобожденія Труда не обращаетъ ни малѣйшаго вниманія на ту ступень сознанія своихъ интересовъ, на которой стоятъ русскіе рабочіе. 2) Игнорируя внутреннія дѣла пролетаріата, она концентрируетъ все свое вниманіе на его внѣшнихъ отношеніяхъ къ правительству. Принципы, которыми руководствуется современное русское рабочее движеніе, изложены не въ статьяхъ Группы Освобожденія Труда, а въ брошюрѣ объ „Агитаціи“*). Принципы эти прямо противоположны

*) Стоя на почвѣ этихъ принциповъ, мы можемъ формулировать ближайшія задачи русскаго рабочаго движенія слѣдующимъ образомъ:

1) Экономическая агитація. 2) Организація рабочихъ во всевозможныя общества и союзы. 3) Политическая пропаганда. Литература-же, издаваемая заграницей, должна прекратить свои разговоры о томъ „прекрасномъ будущемъ“, когда мы будемъ „свергать самодержавіе“, и помочь русскимъ товарищамъ въ этихъ ближайшихъ и насущнѣйшихъ нуждахъ русскаго рабочаго движенія.

вышеуказаннымъ принципамъ Гр. Освобожденія Труда. Особеннаго вниманія заслуживаетъ вопросъ о русской революціи, о „низверженіи самодержавія“. Гр. Освобожденія Труда требуетъ прямой борьбы съ правительствомъ, не взвѣсивъ, гдѣ матеріальная сила для этой борьбы, не указавъ, *гдѣ пути**) *для нея.* Русскіе-же товарищи, не вступая въ прямую борьбу съ правительствомъ, ведутъ ее косвенно, — потому что всякое проявленіе общественной самодѣятельности рабочаго класса въ самодержавномъ государствѣ является шагомъ впередъ по пути къ правовому порядку. Всѣ эти соображенія заставляютъ насъ высказаться рѣшительнымъ образомъ противъ признанія программы Группы Освобожденія Труда 1885 года — программою русскаго рабочаго движенія. Программа эта и теперь, въ 1898 году, столь же мало соотвѣтствуетъ русской дѣйствительности и задачамъ русскаго движенія, какъ и въ 1885, и въ 1896 г. г.

—

Въ заключеніи нѣсколько словъ по адресу тѣхъ враговъ русскаго рабочаго движенія, которые сочтуть

*) Это обстоятельство не можетъ быть объяснено конспиративными цѣлями, такъ какъ въ программѣ рѣчь идетъ не о заговорѣ, а о *массовомъ движеніи.* Масса-же не можетъ идти тайными путями. Развѣ возможна тайная стачка? Развѣ возможна тайная манифестація или тайная петиція?

появленіе нашей статьи за „расколъ“ въ рядахъ русской соціальдемократіи. Мы совѣтуемъ этимъ господамъ обратить вниманіе на то, какъ часто мы цитировали Аксельрода въ пользу нашихъ взглядовъ. Конечно, въ практическихъ выводахъ изъ принциповъ, и для него, и для насъ являющихся „аксіомой“, между нами существуетъ большая разница; но мы — члены одной партіи и безпрекословно подчинимся постановленію *большинства* членовъ этой партіи. Каковы бы ни были наши разногласія, они исчезнутъ въ тотъ день, когда появится программа русской соціальдемократіи. Мы — не секта, а партія, и отдѣльныя разногласія не могутъ помѣшать намъ идти объ руку въ общемъ дѣлѣ.

ОБЪЯВЛЕНІЕ
О ВОЗОБНОВЛЕНІИ ИЗДАНІЙ ГРУППЫ „ОСВОБОЖДЕНІЕ ТРУДА“.

Подъ вліяніемъ всепоглощающей практической дѣятельности въ сферѣ пропаганды и агитаціи среди рабочихъ и сильнаго запроса на популярныя изданія для рабочей массы, въ связи съ попытками отстаиванія такъ называемаго „экономическаго“ матеріализма въ легальной печати, интересъ къ литературѣ, посвященной научно-публицистической обработкѣ на русскомъ языкѣ теоретическихъ и практическихъ вопросовъ соціальдемократіи, до крайности ослабѣлъ въ послѣдніе годы среди активныхъ элементовъ нашего движенія. Явленіе это имѣетъ достаточное оправданіе въ тѣхъ обстоятельствахъ, на которыя мы только что намекнули. Но оно, вмѣстѣ съ тѣмъ, не могло не отразиться вреднымъ образомъ на идейномъ развитіи нашего движенія. Въ Россіи, менѣе, чѣмъ гдѣ нибудь на Западѣ, равнодушіе къ своимъ теоретическимъ интересамъ можетъ безнаказанно проходить для соціальдемократіи. Исключительность положенія русской соціальдемократіи и чрезвычайная сложность задачъ, навязываемыхъ ей этимъ положеніемъ, требуетъ отъ нея неустанной самокритики и зоркаго вниманія къ теоретической сторонѣ революціоннаго движенія пролетаріата.

Она пріобрѣла господствующее положеніе на аренѣ революціоннаго движенія въ Россіи.

Но въ то же время на периферіи и даже внутри ея образовалось теченіе, прямо противоположное духу ученій соціальдемократіи теченіе, представляющее собою серьезную опасность для ея дальнѣйшаго развитія. Теоретически наиболѣе сознательные

изъ активныхъ представителей и основателей ея въ Россіи, считаютъ „себя обязанными" „предостеречь всѣхъ товарищей отъ грозящаго совращенія русской соціальдемократіи съ намѣченнаго уже ею пути, именно: образованія самостоятельной политической рабочей партіи, неотдѣлимой отъ класовой борьбы пролетаріата и ставящей своей ближайшей задачей завоеваніе политической свободы". Не полагаясь на „естественный ходъ вещей", какъ его понимаютъ вульгарные противники и увы! не менѣе вульгарные сторонники марксизма, товарищи, написавшіе вышеприведенныя строки, заявляютъ, что „русскіе соціальдемократы должны объявить рѣшительную войну всему кругу идей", на которыя опирается такъ называемое „чисто экономическое теченіе" въ нашемъ движеніи.

Члены группы „Освобожденіе Труда" считаютъ себя обязанными пойдти навстрѣчу этому призыву компетентныхъ товарищей къ рѣшительной войнѣ противъ циркулирующихъ у насъ подъ нашимъ собственнымъ флагомъ идей и понятій, принципіально враждебныхъ соціальдемократіи.

Первоначальнымъ источникомъ этихъ идей и понятій послужило слишкомъ буквальное, догматическое и прямо вульгарное толкованіе ученій научнаго соціализма о классовой борьбѣ и о роли экономическихъ отношеній, какъ историческаго двигателя. На почвѣ такого пониманія этихъ ученій расплодились и выросли тѣ искаженія и извращенія марксизма, которыя, въ своей совокупности, придаютъ ему безобразно отталкивающій видъ, какъ двѣ капли воды, похожій на каррикатуру, рисуемую съ него народниками. Весьма характерно отношеніе представителей экономическаго направленія къ революціонному движенію 70-хъ и начала 80-хъ годовъ.

Они относятся къ нему гораздо болѣе отрицательно, чѣмъ кто-нибудь изъ практическихъ и теоретическихъ основателей русской соціальдемократіи. Но отрицаніе ихъ направлено больше всего какъ разъ противъ революціонной части программы прежнихъ революціонныхъ фракцій, противъ тѣхъ ихъ практическихъ задачъ и стремленій, которыя образуютъ идейную связь между ними и нашимъ движеніемъ, и благодаря которымъ оно является историческимъ преемникомъ этихъ фракцій. За то тѣ ихъ воззрѣнія, которыя отличаются болѣе или менѣе реакціоннымъ характеромъ, воскресли къ новой жизни подъ соціальдемократической этикеткой, въ умахъ сторонниковъ „чисто рабочаго движенія".

Въ результатѣ всего этого получается то, что внутри русской соціальдемократіи, подъ ея знаменемъ, растетъ и распространяется „кругъ идей", не совмѣстимыхъ съ рѣшеніемъ вопроса о средствахъ или выработкѣ тактики, соотвѣтствующей тѣмъ ближайшимъ революціоннымъ задачамъ, которыми главнымъ образомъ обусловливается ея право на существованіе на современной ступени развитія Россіи. Точка зрѣнія группы или группъ, о которыхъ здѣсь идетъ рѣчь, не допускаетъ, не только выработки вполнѣ соціальдемократической тактики, но и даже теоретической, *принципіальной постановки вопроса* о политической роли и задачахъ нашего движенія.

До тѣхъ поръ, однако, пока теченіе это въ идейномъ отношеніи питалось теоретическими недоразумѣніями, выросшими на почвѣ упрощеннаго пониманія марксизма, оно не представляло собою серьезной опасности и его дозволительно было разсматривать какъ эфемерное болѣзненное явленіе дѣтскаго періода русской соціальдемократіи, которое само собою исчезнетъ вмѣстѣ съ дальнѣйшимъ ростомъ ея. Но представители узкаго и грубаго экономизма въ нашемъ движеніи ищутъ себѣ теоретической поддержки на Западѣ, въ воззрѣніяхъ тѣхъ „критиковъ" марксизма, знаменоносцемъ и глашатаемъ которыхъ выступилъ Бернштейнъ, и которые, подъ видомъ „пересмотра научныхъ основъ соціализма, программы и тактики рабочаго движенія", стремятся разрушить эти основы и превратить соціальдемократію изъ революціонной классовой организаціи пролетаріата въ партію полубуржуазную, либерально-демократическую, съ блѣдно-розовымъ соціалистическимъ оттѣнкомъ.

Первоначальныя воззрѣнія представителей антиполитическаго направленія въ нашемъ движеніи въ очень существенныхъ пунктахъ прямо противоположны были воззрѣніямъ бернштейніанцевъ. Но нашлись мудрецы, которые ухитрились образовать изъ тѣхъ и другихъ своеобразную идейную смѣсь и сдѣлать изъ нея теоретическую основу для принципіальной борьбы противъ стремленій, направленныхъ къ организаціи самостоятельнаго политическаго движенія среди русскихъ рабочихъ. Вражда къ этимъ стремленіямъ мотивируется уже не временными тактическими или просто примитивными педагогическими соображеніями, а принципіальными, въ силу которыхъ сама идея организаціи самостоятельной рабочей политической партіи является нечѣмъ инымъ, какъ зловредной утопіей, „продуктомъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ

результатовъ на нашу почву". Программа, рекомендуемая намъ русскими бернштейніанцами, сводится вотъ къ чему: „участіе, т. е. помощь экономической борьбѣ пролетаріата и участіе въ либерально-оппозиціонной дѣятельности". Другими словами: поскольку соціальдемократы преслѣдуютъ или хотятъ преслѣдовать общественныя задачи, непосредственно выходящія за сферу частныхъ столкновеній отдѣльныхъ группъ рабочихъ съ ихъ прямыми эксплуататорами, постольку они должны слиться съ той, политически безформенной и безцвѣтной массой, которая называется либеральнымъ и полулиберальнымъ „обществомъ" и которая лишена не только революціоннаго, но и сколько нибудь серьезнаго либерально-оппозиціоннаго духа. Русская соціальдемократія должна, такимъ образомъ, отказаться отъ всякихъ революціонныхъ помысловъ и дѣйствій и завершить свое кратковременное существованіе такимъ же образомъ, какъ и народничество, именно: превратиться въ партію мирныхъ культуртрегеровъ, живущихъ и дѣйствующихъ въ порахъ „либеральнаго общества". Но народничество можетъ указать на славныя традиціи своего революціоннаго прошлаго, оно не даромъ появилось на исторической сценѣ, какъ противникъ скромнаго, умѣреннаго, трезваго, словомъ обывательскаго либерализма. Русская же соціальдемократія, всего только безъ году недѣлю выступившая какъ практически активная боевая сила на историческое поприще, произнесла бы смертный приговоръ и надъ своимъ кратковременнымъ прошлымъ, и надъ своимъ будущимъ, если бы она по совѣту своихъ мнимыхъ друзей отказалась отъ преслѣдованія революціонныхъ задачъ революціонными методами. Ради жалкой роли, которую предлагаютъ ей эти „друзья", не стоило ей являться на свѣтъ божій, а усилія, потраченныя на то, чтобы доставить ей преобладаніе надъ остатками старыхъ революціонныхъ фракцій, не только лишились бы всякаго реальнаго смысла, но и заслужили бы еще названія преступленій въ историческомъ смыслѣ.

Но антиреволюціонная соціальдемократія также немыслима, какъ мокрый огонь или сухая вода. Поэтому „кругъ идей", въ которыхъ наши товарищи въ Россіи видятъ опасность „совращенія русской соціальдемократіи съ намѣченнаго ею пути", направленъ противъ самого ея существованія; пріобрѣтеніе ими господства среди русскихъ соціальдемократовъ означало бы смерть нашего движенія. И потому-то мы находимъ вполнѣ основательными опасенія этихъ товарищей и считаемъ себя обязанными, рука объ

руку съ ними, выступить противъ воззрѣній, пропагандируемыхъ русскими бернштейніанцами. Борьба съ ними, это—борьба за существованіе соціальдемократіи въ современной Россіи.

Изъ вышесказаннаго само собою ясно, какія задачи и цѣли ставитъ себѣ группа „Освобожденіе Труда", возобновляя свою литературную дѣятельность.

Когда мы въ началѣ 80-хъ годовъ подняли знамя соціальдемократіи въ русской заграничной печати, задачи наши заранѣе опредѣлились тѣмъ обстоятельствомъ, что соціальдемократическаго движенія въ Россіи въ то время еще не было, что для возникновенія его необходимо было прежде всего теоретически проложить ему путь, и что главнымъ идейнымъ препятствіемъ или камнемъ преткновенія для этого являлись иллюзіи радикальной интеллигенціи на счетъ направленія и перспективы нашего экомомическаго развитія и отрицательнаго отношенія той-же интеллигенціи къ соціально-экономическому и революціонному значенію нарождающагося русскаго пролетаріата. Отсюда — видная, если угодно, первостепенная роль полемики съ народниками всѣхъ оттѣнковъ въ публицистическихъ изданіяхъ группы. Недостаточно было излагать только и популяризировать основныя положенія соціальдемократіи. Недостаточно было также выяснять и доказывать примѣнимость ихъ на русской почвѣ, путемъ анализа хода экономической жизни Россіи. Необходимо было сверхъ того вести чуть не ежедневную борьбу съ господствовавшими у насъ въ 80-хъ годахъ демократическими фракціями за право гражданства рабочаго движенія и соціальдемократіи въ русской дѣйствительности. Теперь же, послѣ того, какъ борьба эта закончилась побѣдой соціальдемократическаго знамени, когда рабочее и соціальдемократическое движеніе стало реальнымъ факторомъ русской жизни, существованіе котораго никѣмъ изъ здравомыслящихъ людей не отрицается, полемика съ народниками потеряла уже свое прежнее революціонное значеніе и не можетъ уже занимать такое видное мѣсто въ соціальдемократической печати, какъ въ теченіе перваго десятилѣтія послѣ основанія группы „Освобожденіе Труда".

Въ настоящее время для соціальдемократической прессы на первомъ планѣ стоитъ вопросъ объ интересахъ и задачахъ, вообще о *дальнѣйшемъ развитіи* движенія соціальдемократическаго, которое уже существуетъ, но существованію котораго грозитъ опасность извнутри, со стороны отдѣльныхъ лицъ и группъ,

формально или по названію примыкающихъ къ нему. Съ этой точки зрѣнія, одной изъ важнѣйшихъ задачъ нашей литературы является безпощадная критика бернштейновскихъ и другихъ антиреволюціонныхъ тенденцій, нашедшихъ себѣ пріютъ въ лагерѣ самихъ соціальдемократовъ. Съ той же точки зрѣнія, мы полагаемъ, что въ настоящій моментъ соціальдемократическая пресса обязана выдвигать и подчеркивать тѣ стороны и тѣ практическія стремленія, которыя общи нашему движенію съ революціоннымъ народничествомъ. Тѣмъ же соображеніемъ мы будемъ руководствоваться и въ оцѣнкѣ всѣхъ важнѣйшихъ явленій русской дѣйствительности. Въ прошломъ десятилѣтіи, а отчасти еще въ началѣ 90-хъ годовъ въ нашей печати необходимо было посвящать много мѣста доказательству того, что капитализмъ въ Россіи пустилъ глубокіе корни и что параллельно съ его развитіемъ растетъ у насъ и классъ пролетаріевъ. Теперь доказывать это было бы съ нашей стороны довольно наивнымъ анахронизмомъ, такъ какъ чуть не поголовно вся наша радикальная интеллигенція не только признаетъ, что экономическая дѣйствительность вполнѣ обезпечиваетъ жизнеспособность русскому рабочему движенію, но и не сомнѣвается въ томъ, что она споконъ вѣковъ не сомнѣвалась въ этомъ. Повторяемъ: главное теоретическое препятствіе для дальнѣйшаго развитія нашего рабочаго движенія на основахъ соціальдемократіи лежитъ теперь въ нѣдрахъ ея самой, въ антисоціальдемократическихъ взглядахъ, распространяемыхъ подъ ея флагомъ. Съ этимъ печальнымъ фактомъ русской соціальдемократической прессѣ необходимо въ настоящее время спеціально считаться, а потому передъ нею и выдвигается совершенно новая задача, не существовавшая для группы „Освобожденіе Труда“ въ первый періодъ ея дѣятельности. Задача эта: непримиримая теоретическая борьба съ антиреволюціонными элементами въ нашей партіи и выясненіе тактическихъ задачъ, подсказываемыхъ ей какъ ея конечной цѣлью, такъ и соціально-политическими особенностями данной минуты.

Намъ хочется вѣрить, что наша дѣятельность будетъ хоть отчасти содѣйствовать рѣшенію этой новой, чрезвычайно важной задачи.

П. Аксельродъ.
Г. Плехановъ.

Группа „Освобожденіе Труда“ горячо благодаритъ американскихъ товарищей за 700 фр., присланные ей ими въ прошломъ году и за 1500 фр., полученные отъ нихъ въ этомъ. Ей особенно дорога поддержка, оказанная ей въ настоящее смутное и печальное время, когда русская соціальдемократія находится въ опасности.

Обозначения:

М.М. = Е.Д. Кускова

N.N. = С.Н. Прокопович

Г. = Гришин (Ц.М. Копельзон)

В. И-н = В.П. Иваншин